

И $\frac{207}{429}$

МИЛОВ

ДЕТА
КОРЬКОВО

С П

В. ЕРМИЛОВ

МЕЧТА ГОРЬКОГО

ОСНОВНЫЕ ИДЕИ ТВОРЧЕСТВА

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА 1936

Художник
А. Радищев

«Россия будет самой яркой
демократией земли!»

(М. Горький «Мать»)

Горький поднялся из низов народных масс и пронес через все свое творчество, начиная с первых, юношеских произведений, мечту о человеке, о возрождении человечества. Эта мечта жила в сознании трудящихся, и чем более мерзко, цинично и отвратительно жестоко капитализм растлевал, унижал и оплевывал человека, все человеческое в людях,— тем упорнее была эта мечта в сознании народа. Горький выразил и своим творчеством, и своей замечательной личностью упорство, живучесть и непобедимость этой мечты.

Ни у одного русского писателя, в том числе у такого специалиста по страшному, как Достоевский, Россия не представляла такой страшной.

как у Горького. Слова Достоевского: «уездная, звериная глушь» Горький взял эпиграфом к своему «Городку Окурову», в котором он показал подлинный, не крикливый, равнодушный ужас вчерашней русской жизни. Почти все герои Горького — люди страшной жизни. И вместе с тем ни у одного русского писателя Россия не представляла столь прекрасной, как у Горького. Это была подлинная Россия, готовившаяся к своему завтрашнему дню, но оплеванная и распятая крупными и мелкими, продажными и зловещими мерзавцами, лавочниками и убийцами, это была та великая демократия, которая создала Союз советских социалистических республик. И выразителем, художником ее был Горький.

Человек страшной жизни, Горький был вместе с тем и счастливейшим человеком. Ему довелось увидеть осуществление своей мечты. В своем очерке о Льве Толстом Горький вспоминал, как, рассказав одну из обычных страшных картин русской «звериной глуши», Толстой заплакал, а потом сказал:

«— Я — старик, у меня к сердцу подкатывает, когда я вспоминаю что-нибудь ужасное...

И легонько толкая меня локтем:

— Вот и вы — проживете жизнь, а

все останется, как было,— тогда и вы заплачете, да еще хуже меня,— «ручьистее», говорят бабы...»

Но так не случилось. Когда народы Советского Союза и трудящиеся всего мира хоронили Горького, у них было то утешение в скорби, что их любимому человеку не пришлось умереть с мыслью: вот, жизнь прожита, а все осталось, как было. Горький умер в дни, когда его страна начала всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР. Он сказал, что сейчас даже камни поют. Это были его последние слова о народе, о стране.

Хороня Горького, трудящиеся знали, что он умер с мыслью о самом величественном документе возрождения человечества — о сталинской Конституции, которая с гениальной смелостью, правдивостью и точностью выражает и оформляет реальность победившего социализма. В проекте Конституции выражено то, что было мечтою многих поколений рабочего класса и всего трудящегося человечества. С великою силой звучала эта мечта в произведениях Горького. Один из персонажей романа «Мать» говорит: «Россия будет самой яркой демократией земли!»

В этих словах проявилось предвидение гениального пролетарского ху-

дожника. Горький сказал их после разгрома революции 1905 года, в дни величайшего унижения и оплевания человека. Горький умер в дни всенародного обсуждения Конституции реально осуществившейся самой яркой демократии земли. И сейчас, накануне VIII Съезда Советов, продумывая пункт за пунктом проект Конституции, мы не можем не чувствовать, что Горький всеми образами своего творчества участвует вместе с нами во всенародном обсуждении. Он завоевал себе эту возможность, потому что был великим социалистическим писателем, бойцом за коммунизм. Он живет вместе с нами в эти исторические дни, и он, несомненно, будет живым участником VIII Съезда Советов; его творчество, основные его идеи перекликаются с основными идеями работы Съезда.

Горький был одним из величайших гуманистов русской и мировой литературы. Это общепризнано. Но в чем состоит отличие горьковского гуманизма от гуманизма предшествующей ему литературы? Ведь русская литература, по справедливости считающаяся одной из самых ярких и богатых ветвей ми-

ровой литературы, знаменита прежде всего своим гуманизмом. Великие русские писатели были страстными защитниками человеческого достоинства, прав человеческой личности; лучшие из них поднимались до высот подлинной ненависти ко всяческому унижению и оскорблению. В чем же состоит новое слово, сказанное Горьким?

Прежде всего нужно помнить, что Горький выступил со своим творчеством в то время, когда традиция гуманизма начала угасать и в мировой, и в русской литературе. Уже в творчестве Достоевского наметился отход от гуманистических традиций русской литературы. Тема униженных и оскорбленных, которую, как эстафету, принял Достоевский в раннем периоде своего творчества из рук Гоголя, в дальнейшем начала эксплуатироваться им как средство для борьбы с самими «униженными и оскорбленными». Конечно, Достоевский — исключительно сложная и трудная фигура, в его творчестве скрыто много взрывчатого материала, в нем много противоречащих друг другу сторон, идей, тенденций. Отданные им в руки обидчиков «униженные и оскорбленные» продолжали мучить его сознание, он никуда не мог укрыться от необходимости держать ответ перед

ними и всю жизнь горел на сумрачном и жестоком огне невыносимых для сознания противоречий. Надрывный крик, больная судорога творчества Достоевского была судорогой прощания с гуманизмом,— оно давалось не легко, нужно было «переступить» через многое, нужно было плюнуть в лицо Белинскому, Гоголю, Некрасову, Чернышевскому, своей молодости...

В русской литературе после Достоевского, особенно же после революции 1905 года, пошел суетливый пересмотр всего классического наследства. Пересмотр шел под знаком Достоевского и Ницше. Русская буржуазия, бывшая самой подлой в Европе и самой бездарной, не могла создать такой целостный образ «белокурой бестии», какой воспевал Ницше. Но она тянулась к нему. Правда, ничего яркого на этом пути она не создала, за исключением разве Гумилева, этого поэта не успевшего родиться русского фашизма. Он пытался воспевать «конквистадора», завоевателя, «покорителя городов», колонизатора, империалистического убийцу и грабителя. В более грубой и «популярной» форме Ницше был переведен на русский язык в образах торжествующих жеребцов типа Санина, загарцовавших в российской

литературе. Это было веселое, «кавалерийское» прощанье с гуманистическими традициями, похороны под удалые звуки похабной гусарской песенки. Мрачно, крикливо, подражая Достоевскому, но неизмеримо мельче его, хоронил гуманизм Леонид Андреев, оплевывая человека, проповедуя своим творчеством, что человек есть не более как похотливое животное, целиком отданное во власть темных стихийных сил...

Все это развернулось в годы реакции, но подготовлялось задолго...

В этой обстановке подготовлявшегося отказа от гуманизма, определявшей состояние и европейской и русской литературы, выступил Горький со своим гимном Человеку с большой буквы, с декларацией о том, что человек — это звучит гордо. Горький поднял знамя гуманизма, брошенное в грязь, и тем самым возродил лучшие традиции русской и мировой классической литературы. «По силе своего влияния на русскую литературу Горький стоит за такими гигантами, как Пушкин, Гоголь, Толстой, как лучший продолжатель их великих традиций в наше время» (из речи тов. Молотова на траурном митинге 20 июня 1936 г.). Горький выступил против тех, кто отказывались от этих

традиций,— против Достоевского, полемике с которым он отдал много сил, и против последователей (эпигонов) Достоевского вроде Леонида Андреева.

Разумеется, Горький не мог просто «возродить» классические традиции,— его гуманизм явился новым, впервые сказанным словом в литературе. Главнейшие особенности горьковского гуманизма состоят в следующем: 1) Горький изобразил в своих произведениях подлинные, реальные отношения капитализма и человеческой личности, он развернул в своем творчестве энциклопедию всестороннего разрушения человеческой личности капитализмом, отчуждения капитализмом человеческих прав у трудящихся; Горький дал картину озверения эксплуататоров и роста новой, высокой человечности в массе эксплуатируемых. 2) Горький выдвинул образ не маленького человека, угнетенного сильными людьми, вроде Акакия Акакиевича Башмачкина из гоголевской «Шинели» или Макара Девушкина из «Бедных людей» Достоевского, а образ большого, сильного, смелого и гордого человека, угнетаемого и крупными, и мелкими хищниками, но в обоих случаях маленькими людишками,

«временными хозяевами» земли; вместе с тем этот большой человек — не «лишний человек», не отщепенец, а подлинный хозяин земли, которому она должна и будет принадлежать. Величие и сила этого человека — не в его изолированности, а в его массовости; образ этого человека, протестанта и бунтаря, на протяжении горьковского творчества все яснее и глубже конкретизировался как образ революционера, последовательного борца с капитализмом, большевика. 3) Горький «свел» все проблемы гуманизма, защиты человека к первопричине всяческого «унижения и оскорбления» — к положению человека в труде, к производственным отношениям, основанным на частной собственности; отсюда центральная роль проблемы труда в его творчестве. Горький впервые на языке художественных образов показал, где нужно искать путь к освобождению человека, к победе и торжеству гуманизма, — путь, указанный создателями научного социализма. Творчество Горького есть борьба средствами художественного образа за ниспровержение капитализма, за диктатуру пролетариата. Мечта о человечности перестала быть бездейственной, абстрактной, а стала конкретной и активной.

Поэтому и романтизм впервые органически слился с реализмом в единое целое.

Таковы важнейшие отличительные признаки горьковского гуманизма. Русская классическая литература в лице Горького поднялась на такую высоту, на которой ее критический реализм, употребляя горьковское определение, стал социалистическим реализмом, а отвлеченный гуманизм стал социалистическим гуманизмом.

Ведя неустанную войну за освобождение, возрождение человека, выражаясь языком раннего Маркса — за «человечного человека», Горький с изумительной широтой развернул самые разнообразные стороны отношений между капитализмом и человеческой личностью. Ни один художник до Горького не мог сделать этого, потому что ни у одного героем творчества не был пролетариат и связанные с ним, близкие к нему огромные массы трудящихся. Горький показал всю силу давления на них безмерной тяжести капитализма. Поэтому его творчество и является художественной энциклопедией, всесто-

ронне изображающей отнятие, отчуждение капитализмом у трудящихся их человеческих прав.

Капитализм, отнимающий у человечества детство, материнство, молодость, любовь, превращающий все в куплю-продажу, сводящий человека на положение вещи, отнимающий у человека личное достоинство, самостоятельность, свободу личности, с равнодушным цинизмом опустошающий, выхолащивающий человека; капитализм, опрокидывающий на человека его собственные, человеческие отношения — как чуждые, непонятные, находящиеся вне человека отношения вещей, таинственные «страсти-мордасти», мистические, стихийные, враждебные силы; капитализм, создающий идиотизм деревенского животного и идиотизм городского животного, отделяющий физический труд от умственного, отнимающий у человека радость труда, обесмысливающий труд и обесценивающий его, — все это с несравненной силой и полнотой проходит перед нами в образах горьковского творчества. Разрушение человека и человечности, производимое капитализмом, впервые было не только отражено художником, но и объяснено им, сведено к первопричине.

Страшная сила капитала, превращающего человечество в мертвые души, в русской литературе угадывалась уже Гоголем, страшила его и заставляла цепляться за отжившие, реакционные формы жизни. В фигуре Чичикова он дал образ бездушного, проникающего всюду, неистребимого хищника первоначального капиталистического накопления,— и, испуганный этим наступающим на Россию не то Наполеоном, не то капитаном Копейкиным,— во всяком случае, проводником власти все-сильной капиталистической Копейки, которая вышибет все живое из человека,— Гоголь во второй части «Мертвых душ» хотел заставить его покаяться перед «исконными», добрыми началами старой Руси. Но оказалось, что эти «исконные» начала уже не существуют, они уже подмочены и разрушаются: носитель этих «начал» и «устоев», мудрый Костанжогло сам захвачен процессом капитализации, исходов никаких нет, и что делать человеку «в земной своей должности» — «это уже нам всем темно представляется, и мы едва...» — этими словами обрывается дошедшая до нас рукопись второй части «Мертвых душ». Мы можем догадываться, что Гоголь

хотел во второй части призвать к какому-то гигантскому всенародному походу против чичиковщины-копейкинщины устами... добродетельного генерал-губернатора.

Страх перед наступающим капитализмом загнал Гоголя в темное подземелье реакционного утопизма, куда не мог дойти гневный голос Белинского, сумевшего за фигурами Чичиковых разгадать новые противоречия и те новые силы, которые не были видны Гоголю. Но как бы то ни было, Гоголь оставил гениальный портрет деятелей русского первоначального капиталистического накопления, отцов русской буржуазии, и догадку о капиталистическом разрушении человечности, о мертвящей силе капитала, стремящейся превратить человечество в мертвые души...

Остро чувствовал унижение человека наступающим на Россию капитализмом Достоевский. В отличие от Гоголя, Достоевский видел и те новые противоречия, которые заложены внутри капитализма,— но искаженность его мировоззрения проявилась в отождествлении бездушия капитализма с выдуманым «бездушием»... социализма: тот и другой одинаково направлены против человеческой

личности,— вот какой чудовищной выдумке, ее судорожному отстаиванию посвятил себя Достоевский! Поэтому, хотя мы и немало правды узнаем от Достоевского о торжествующем ходе капитализма в России, об угнетении им личности,— все же картина в целом у Достоевского извращена, искажена. Да и сама объективная ценность изображенного им ограничена не только искаженным мировоззрением, но и узостью социального материала, бывшего в поле зрения писателя: в сущности, мы узнаем от него почти только о страданиях городского мещанства. Человек Достоевского не только не способен на борьбу с той силой, которая растлевает его, но и сам поддается растлению, и если кричит о своем унижении и оскорблении всевозможными оскорбителями, то главным образом потому, что сам не может попасть в число оскорбителей.

Какое злое и хищное животное — человек! — говорит Достоевский в «Записках из подполья». — Жить в этом мире — страшно, и надо смириться, смириться! — судорожно кричит Достоевский.

Его творчество и бунтует против унижения человека, и смиряется перед унижением...

Широко развернулась тема о наше-
ствии на патриархальную Россию ка-
питализма в творчестве Толстого, но
ограниченность зрения этого величай-
шего представителя русского «критиче-
ского реализма», исчерпывающе рас-
крытая Лениным, не дала ему возмож-
ности увидеть того, что было открыто
художественному зрению Горького. С
фанатическим упорством Толстой стре-
мился «не замечать» победного хода
капитализма,— и принужден был отра-
зить его. Утопическая мечта о «китай-
ской стене», которую он хотел отде-
лить «мужицкую» Россию от власти
«Дьявола», от законов истории,— на
деле сама стала «китайской стеной»,
отделившей могучий гений Толстого
от передовых сил современности.

Несомненно, что в произведениях и
русских, и французских, и иных клас-
сиков «критического реализма» сказано
немало правды об изуродовании че-
ловека капитализмом. Но только Горь-
кий, героем творчества которого яв-
ляются рабочий класс и вся трудящая-
ся народная масса, подлинная, осозна-
ющая себя демократия,— мог на языке
художественных образов раскрыть дей-
ствительное отношение капитализма и
человеческой личности и показать, где
нужно искать путей к возрождению че-
ловечества.

Творчество Горького представляет собой удивительную целостность. Оно не только посвящено теме социалистического возрождения человека, но и настолько пропитано этой темой, что ей подчинены и ею окрашены мельчайшие составные единицы образа, вплоть до деталей пейзажа, отдельных метафор и пр. В этом смысле характерен рассказ «Страсти-мордасти». Вряд ли будет преувеличением сказать, что этот рассказ принадлежит к числу самых страшных произведений мировой литературы на тему о гибели, разрушении человека. И самое страшное в нем даже не в той картине, которою он открывается:

«Женщина села в грязь и, разгребая ее руками, завизжала гнусаво и дико:
— Как по-о мор-рю...

Недалеко от нее в грязной жирной воде отражалась какая-то большая звезда из черной пустоты над нами. Когда лужа покрылась рябью — отражение исчезло. Я снова влез в лужу, взял певичку подмышки, приподнял и, толкая коленями, вывел к забору... Приставив ее к забору, я спросил — где она живет. Она приподняла пьяную голову, глядя на меня темными пятнами глаз, и я увидел, что переносье у нее провалилось, остаток носа торчит, пу-

говкой, вверх, верхняя губа, подтянутая шрамом, обнажает мелкие зубы, ее маленькое пухлое лицо улыбается отталкивающей улыбкой».

И не то самое страшное в этом рассказе, что у пьяной полусгнившей проститутки живет в подвале безногий сын, чудесный мальчик Ленька, мечтающий о «чистом поле», которого он никогда не видел, как о сказке. Самое потрясающее в этом рассказе Горького заключается в том, что у заживо погребенных, сломанных людей мы встречаем детскую чистоту отношений между матерью и сыном, простую и веселую — именно веселую! — дружбу, заботу друг о друге, и что эта изумительная человечность развивается на такой извращенной, страшной основе. Ленькина дружба и заботливость о матери проявляются, в частности, в том, что он по-товарищески входит в ее «профессиональные» вопросы, обсуждает вместе с матерью характеры и привычки «гостей», посещающих ее, гасит свет, когда нужно,— и все это с детской чистотой, с очень чистой, полудетской, полувзрослой любовью и снисходительностью к матери. В этом сочетании человечности и извращенности, в извращенной человечности и есть образно-идейная

сущность рассказа. Она проявляется в мельчайших художественных частицах (или, как говорят литературоведы, «компонентах») произведения: «Ленька протянул мне обе длинные руки, я тоже обеими руками сжал и потряс эти тонкие, холодные косточки и, уже не оглядываясь на него, вылез во двор, точно пьяный.

Светало; над сырой кучей полуразвалившихся построек трепетала, угасая, Венера... На улицах, в лужах, устоявшихся за ночь, отражалось утреннее небо — голубое и розовое,— эти отражения придавали грязным лужам обидную, лишнюю, развращающую душу красоту».

Этот образ извращенной и потому оскорбительно ненужной красоты, ее отражение в грязи, проходит через рассказ,— вспомним, что в начале его «какая-то большая звезда из черной пустоты над нами» отражается в «грязной жирной воде». Этими образами Горький выразил и оскорбление за красоту человеческих отношений, которая вынуждена проявляться в такой страшной, постыдной для человечества грязи, и то, что красота в отношениях несчастных людей из подвала — как отражение какой-то очень далекой звезды в черной пустоте; тут выраже-

ны и болезненность, уродство ненужной, «развращающей душу» красоты так догано разрушенных человеческих отношений между матерью и ребенком. Мельчайшие художественные детали рассказа определены идеей разрушенной человечности.

Белинский писал, что идея должна перейти в плоть и кровь художника, для того чтобы произведение было подлинно художественным. Страстная проникнутость художника своей идеей является одним из основных условий художественности. Идея должна пропитывать, проникать собою все то, из чего состоит художественное произведение. Горький был целиком охвачен великою страстью борьбы за человека и за человечность, и все в его произведениях охвачено этой страстью, все дышит ею...

С особенной полнотой отнятие у трудящихся человеческих прав показано Горьким в повести «Трое», принадлежащей к числу наиболее совершенных, художественно законченных его произведений. Это повесть о загубленных жизнях, повесть о том, как поразному погибали в капиталистической России жизни разных людей.

Лион Фейхтвангер очень хорошо сказал об одной из главнейших особенностей горьковского творчества: «Читая книги Горького, мы находились среди русских людей. Не то чтобы кто-нибудь один субъективно разговаривал: нет, это сам народ обретал голос и высказывался о себе. У Горького каждый отдельный человек интересен именно принадлежностью к толпе, из которой он взят, своей народностью. При чтении всякого другого большого писателя всегда остаются ассоциации, связанные с отдельными человеческими образами, которые он создал. Читаешь Горького, и возникает Россия; не отдельные, а великое множество русских людей; у каждого свое особое лицо, но все вместе дают лицо массы. Я не знаю ни одного другого писателя, который мог бы так, не становясь абстрактным, изображать народ, массу».

Эта важнейшая черта горьковского творчества с особенной ясностью выражена в повести «Трое». Поистине, в ней народ обрел голос и рассказал о том, как чудовищно разрушаются и гибнут жизни миллионов людей. Такому размаху повести способствует то, что трое главных ее героев — Илья Лунев, Яков Филимонов и Павел Грачев — представляют каждый огромную «тол-

пу», выражают своими характерами, стремлениями, различием жизненных идеалов — большие социальные массивы.

Илья Лунев — крестьянский паренек, попавший в город, вдумчивый, серьезный, с крестьянским стремлением к «чистой», справедливой, «правильной» жизни, с поисками каких-то твердых устоев, незыблемых правил. История его поисков и составляет основное содержание повести. Поисками правды занят и Яков Филимонов — с тою разницей, что если у Ильи, как у практика, рационалиста, преобладает этическая сторона, то Яков склонен к отвлеченным мыслям о положении человека на земле. Сын трактирщика, чистый, добрый, безобидный юноша, болезненный и слабый, он никак не может быть достойным наследником своего отца, классического представителя кулацко-лабочнической российской буржуазии. За слабость и «неспособность» отец и губит его, вгоняя в могилу зверскими избиениями. За Яковым Филимоновым тоже стоит большая «толпа» неустроенной, не знающей, что делать в жизни, молодежи из городского мещанства, отбившейся от отцов и не знающей никаких других путей. Третий герой повести, Павел Грачев —

представитель рабочей молодежи, с дерзким, прямым взглядом на жизнь, с очень рано начавшейся самостоятельностью; он один из троих в конце концов находит свой путь в революционном движении.

Горький показал в этой повести свое замечательное умение строить характеры. Каждый из трех главных героев глубоко индивидуален, каждый характер строго выдержан от начала до конца, люди проходят перед нами, развиваясь и изменяясь, с детских лет до зрелости. И во взрослых Илье, Якове, Павле мы узнаем, в измененном виде, те черты характера, которые наметились у них в детстве,— особенно выдержан и закончен характер Ильи Лулева, играющего центральную роль в повести.

Илья и в детстве и в зрелом возрасте — психологически несколько неуклюж, неловок, негибок, думает он не так резко и быстро, как Павел, но и без той безнадежно-мечтательной отвлеченности, какая характерна для Якова. Илья представляет собою сильную, яркую индивидуальность. Он очень настойчив и тверд в своих поисках правды, незыблемых этических законов.

Фигура Ильи представляет для нас, кроме всего прочего, большой интерес

с одной особой точки зрения. Дело в том, что пора признать неверными разговоры, имевшие в свое время распространение, о какой-то, якобы характерной для Горького, «нелюбви к крестьянству». Творчество Горького не дает для таких разговоров никаких объективных оснований. Горький ненавидел лавочника, кулака, ненавидел кулацкие влияния на крестьянина, его «собственническую душу». Власть страшной силы собственности над крестьянином Горький изобразил в таких незабываемых образах, как, например, образ Гаврилы из «Челкаша», и в ряде других. Он видел много ужасного, звериного в старой русской деревне и со всею силой обрушивался на это звериное. Он боялся, что собственническая душа крестьянства перевесит его трудовую душу, это опасение привело его к известной ошибке в семнадцатом году, когда он недооценил мощностъ тех рычагов, которые имелись в распоряжении пролетариата для перевоспитания крестьянства. Об этой ошибке он потом много раз, с присущей ему великой мужественностью, говорил во всеуслышание.

Но отсюда никак не следует, что у Горького была какая-то «нелюбовь» к крестьянству. Стоит вспомнить, сколь-

ко замечательных крестьянских образов создано им,— хотя бы образ крестьянского революционера Рыбина, связанного с большевиками («Мать»), образы революционной крестьянской молодежи в романе «Мать», классический образ русского «мужичка» в рассказе «Кирилка» и ряд других. Под «каратаевским» обликом Кирилки Горький изображает умного человека, маневрирующего с «господами»: купцами, чиновниками и либералами; он гораздо умнее всех этих «господ», и его каратаевская «загадочность» есть не что иное, как именно маневрирование крестьянина, прекрасно понимающего чуждость ему и чиновника, и купца, и либерала. Рассказ этот представляет собою замечательную сатиру на всевозможных «господ». Основной прием сатиры близок приему «мужичкой», антигосподской сатирической сказки; кончается дело тем, что все эти господа, философствовавшие на тему о свойствах и особенностях русского мужика, съели вместе краюху хлеба, принадлежавшую Кирилке, оставив его голодным...

Горький своими крестьянскими образами полемизировал с «каратаевщиной», этот городской писатель сумел с несравненной правдивостью, с любовным вниманием изобразить по-

иски правды, характерные для русского крестьянства. Горький показал, как и в искаженных формах религиозности, сектантства в крестьянстве идут глубоко революционные, по сути своей, процессы брожения, сколько накопилось в крестьянстве взрывчатого материала, как сильно в нем стремление к правде. Горьковский образ «знахарки» Иванихи (в рассказе «Знахарка») является одним из самых лучших, самых трогательных крестьянских образов в русской литературе. Если снять с мордвинки Иванихи поверхностную оболочку «знахарства», обнаружится замечательный передовой человек деревни, подлинный вожак, лидер бедняцкой части. Она представляет интересы крестьян в их тяжбе с грабителями, князьями Голицыными,— «у нас она — первый человек, ее на сходе уважают, слушают, даже становой боится... Она — бесстрашной жизни»,— говорят о ней крестьяне. Она — первый советчик, живущий заботами всех мужиков. По ночам она разговаривает с богом и журит его. Разговор Иванихи с Христом принадлежит к числу лучших страниц мировой литературы:

«Ох, ты, Христос, нехороший бог, завистливый ты, злой, не человеческий ты бог, нет! Трудно людям с тобой. Что

делаешь? Иван — зачем помер молодой? Мишка, — одно дитя, такой светлый Мишка, — зачем? Корова Гусевых пала, ай-ай-ай! Не жалко тебе своих, а? Чужих ты уж не пожалеешь, нет! Ой, плохо! Кому служишь, Христос? Каким людям служишь? а? Вот я, баба, людям служу, твоим помогаю, и татарам и чуваше — мне все равно. Видишь? А ты кому? Поп твой говорит: ты — для всех, а ты и своих не любишь, нет! стыдно тебе, ох, не так надо. Я правду говорю, эй, стыдно тебе. Смотри на твои люди — хорошие люди, а как живут! Э, Христос...

Тонкими плетями хлестал дождь по соломе крыши, тонко и зло взвизгивал ветер, приглушая сердечную жалобу человека...

...На рассвете я уехал из деревни и увез в памяти моей одну из лучших бесед человека с богом, может быть, самую лучшую из всех... Э, Христос...»

В беседе Иванихи с Христом выражены и стремление к правде, и альтруизм, товарищество, и дружеское отношение к другим национальностям. И как замечательно показано, что безграмотная Иваниха неизмеримо выше и умнее всяких религиозных выдумок, насколько внешний характер они имеют по отношению к ней, к ее мировоззрению. И

хотя она противопоставляет Христу «своего» бога — мы в этом ее «Керемети» узнаем как раз те черты, которые враждебны всякой религиозности по существу. Кереметь, оказывается, не любит веры, потому что «правда выше веры... Ваш бог, Христос, ничего не хочет... Христос говорит: верь, а Кереметь: делай правду! Сделаешь — другой будешь. За деньги правду не сделаешь... Вы говорите: бог правду любит, да не скоро скажет... зачем не скоро? Знаешь — сейчас скажи! Кереметь знает: правда лучше веры».

Перед нами предстают трудные, но упрямые крестьянские поиски — поиски правды. Что общего у таких представителей крестьянской массы, как старуха Иваниха, с традиционной «каратаевщиной», с многотерпеливым и смиренным мужичком? Человек «бесстрашной жизни», она потому и является вожакom деревни, что протестует против неправды. Отношение ее к жизни — активное и хозяйское. Немало таких Иваних руководят сейчас у нас колхозами, работают бригадирами, дерутся с бюрократами и лодырями, все реже вспоминая о тех или иных «Кереметях»...

Уже один образ Иванихи должен был бы рассеять слухи о «нелюбви» Горького к крестьянству. Но мы привели

Только один пример,— а сколько таких крестьянских искателей правды с великою любовью изображено Горьким!

Илья Лунев — тоже искатель правды, и существо его образа может быть правильно понято только в связи с рядом горьковских крестьянских образов правдоискателей. В образе Ильи Лунева тонко выражены черты крестьянской психологии. С братской любовью, с силой внутреннего, глубокого понимания выписан Горьким этот образ. Лучшие черты крестьянской психологии, и прежде всего поиски «чистой» и «правильной» жизни соединяются у Ильи Лунева с индивидуалистическими чертами. Сталкивая между собою характеры Ильи и Павла, Горький всегда подчеркивает, что речь идет о социальных различиях, что Илья — крестьянин по самой сути своей. Когда у Ильи оказались, после убийства купца, деньги, он решил открыть лавочку, и другу своему Павлу Грачеву предложил денежную помощь, чтобы тот тоже завел свое предприятие — водопроводную мастерскую. Но Павлу органически чужда возможность стать, хотя бы и малюсеньким, «хозяином», «предпринимателем»:

« — Спасибо, брат! Из ямы тащишь... только... вот что: мастерскую я не хо-

чу,— ну их к чорту, мастерские! Знаю я их... Уеду куда-нибудь и поступлю сам в мастерскую...

— Это ерунда! — сказал Илья.— Лучше хозяином быть...

— Какой я хозяин! — весело воскликнул Павел.— Нет, хозяйство и все эдакое... не по душе мне... Козла свиной не нарядишь...

Лунев не ясно понимал отношение Павла к хозяйству, но оно чем-то нравилось ему...»

Луневу нравится в Павле отсутствие тяжелых, стяжательских стремлений, ему смутно нравится легкость человека, необремененность его собственностью и заботами о ней. Но вместе с тем жить так, как Павел, он не может. Мечта о своей лавочке значит для него очень много.

«...он все сильнее мечтал о времени, когда откроет свою лавочку. У него будет маленькая чистая комната, он заведет себе птиц и будет жить один, тихо, спокойно, как во сне...»

Павлу Грачеву чужда мечта о тишине и спокойствии. Для Ильи же лавочка стала овеществлением его мечты о чистой и правильной жизни. Точно так же, как для отца его, ушедшего от мирской грязи в лес, мечта о правильной жизни овеществляется в одинокой келье,

так для Ильи она овеществилась в чистенькой лавочке, где работают он да мальчик-подручный.

Все эти и многие другие моменты в обрисовке характера Ильи ясно говорят нам о том, что Горький в его образе хочет показать именно крестьянина, молодого крестьянского парня, попавшего в город. Эта трагическая для прежней России тема не была раскрыта в ее подлинном значении ни одним писателем до Горького, в том числе и тем, кому она, казалось бы, должна была быть особенно близкой: Толстым.

Страшна жизнь и для Ильи и для Павла. Но Илья вызывает у читателя более острое чувство какой-то ошеломляющей жалости, он беспомощен, несмотря на всю свою силу, энергию, широту, упорство. Образ Ильи трагичен, в основе его лежит трагедия социального одиночества. Ему и в самом деле не остается иного пути, кроме самоубийства. Оторванный от своих корней, он живет, ничего не понимая в той жизни, которая завертела и кружит его, заставляя делать непонятные ему самому, глубоко противные всей его природе поступки, вроде убийства купца, на содержании которого живет его любимая женщина. Он бродит по жизни, как в глубокой темноте,

где все непонятно и смертельно враждебно. Глазами крестьянского парня смотрим мы на город — и видим, как все в капиталистическом городе, начиная от тротуарной тумбы, вывески магазина, булыжника на мостовой, чуждо ему и враждебно.

Тему о молодом крестьянском парне, попадающем в город в поисках работы, Горький развернул и в рассказе «Злодеи», близком по своей трагической простоте к толстовским рассказам типа «Фальшивого купона». «Злодеи» и «Трое» писались приблизительно в одно время — 1900-1901 гг. Повидимому, эта тема тогда особенно волновала Горького. Оба произведения близки друг другу и сюжетно: и там и здесь крестьянский парень, оторванный от родных корней, втянутый в непонятный ему водоворот капиталистического города, становится против своей воли преступником, убийцей, — и там и здесь с тонким психологическим мастерством показан внутренний «механизм» преступления: преступник отнюдь не находится в неменяемом состоянии, и вместе с тем преступление совершается против его воли. Тайнственная враждебность капиталистического города, раздавившего жизнь крестьянского парнишки, который погибает, так

и не понимая, каким образом «все сошлось» к его гибели и за что, зачем надо ему погибать,— дана в «Злодеях» с суровым лаконизмом.

Илья тоже не понимает причин враждебности жизни по отношению к нему, не может понять: почему же нельзя жить по-человечески, когда я — человек? Почему нет чистоты и порядочности в жизни? Пролетарий у Горького иначе ставит эти вопросы. Тот факт, что Илья Лунев — крестьянин, дает Горькому возможность поставить вопрос в нарочито простой, даже наивной и именно поэтому трагической форме.

Поиски Илья все больше углубляют его одиночество. Очень тонко раскрывает Горький процесс разоблачения в глазах Илья его мечты о лавочке. Эта мечта отождествляется у Илья с новой его любовницей, Танечкой, которая привлекла его чистеньким уютом, всем строем своей, как казалось Илье, чистой, легкой, налаженной жизни. Танечка становится его компаньонкой по лавочке; в образе этой женщины лавочка, мечта о ней становится живой, олицетворенной. Но очень скоро Илья убеждается в том, что «чистота» — поддельная, Танечка вызывает в нем брезгливость, она забрасывает его всей

той дрянненькой грязью, которая сочит-ся из каждой ее поры. Танечка — замечательный образ мелкого, хищнического городского мещанства, она — действительная душа лавочки, прирожденная лавочница. Когда она, «просвещая» Илью, излагала ему свою жизненную философию, «жизнь казалась ему чем-то вроде помойной ямы, в которой люди возятся как черви.

— Ф-фу! — устало говорил он. — Да чистое-то, настоящее-то есть где-нибудь, скажи?

— Какое настоящее? — удивленно спрашивала женщина. — Я говорю о настоящем... Вот чудак! Не выдумала же я сама все это!

— Я — не про то! Ведь где-нибудь, что-нибудь настоящее — чистое есть или нет?

Она не понимала его и смеялась».

Танечка — один из ликов капиталистического города, который смеется над Ильей, над его поисками чистоты.

Лавочка сделала одиночество Ильи безнадежным: она отрезала ему дорогу, по которой пошел Павел, отняла у Ильи единственную возможность найти то, что он ищет, — «чистоту» и «правильность». Павлу же ничто не могло помешать связаться с революционной интеллигенцией и через нее — с могучим движением, которое не показано в

повести, но угадывается по фигуре новой подруги Павла...

Горький поставил в центре повести простую, цельную и сильную фигуру Ильи Лунова с его поисками правды и через нее показал последовательно, как гибнут в капиталистическом мире простые, естественнейшие человеческие стремления, как отнимается у человека все человеческое.

Такой же путь Горький избрал и в «Фоме Гордееве», — образ Фомы, при глубоком социальном различии, все же близок к образу Ильи. Непосредственность, цельность, прямолинейная наивность и, главное, социальное одиночество обоих образов способствуют трагическому заострению темы об отнятой, разрушенной человечности. Повесть «Трое» развертывает целый цикл утрат. Если Леонид Андреев в своих схематических символах-аллегориях изобразил «Жизнь человека», которая оказалась на поверку жизнью среднего присяжного поверенного, — то Горький мог бы дать схему жизни среднего человека из многомиллионной трудящейся массы — как смену разных утрат, разных хищений человеческих прав у трудящихся.

Прежде всего у человека отнимается право на детство. Кража детства —

самое чудовищное преступление капитализма — показана Горьким и в «Детстве», и в повести «Трое», и в ряде рассказов.

Изображая детские годы героев «Трое», Горький остается верным методу реализма. Мы не найдем у него никакой тенденциозности, подчеркивания «жалостливых» моментов, или надрыва, болезненно напряженного драматизма. Рисуя отнятое, ограбленное детство, Горький показывает эту кражу детства не тем, что изображает маленьких взрослых человечков, обиженных, болезненно самолюбивых, надрывных мальчиков и девочек вроде Коли Красоткина или Лизы Хохлаковой из «Братьев Карамазовых». Горький рисует именно детей, их детскую психологию, которую Горький всегда умел изображать с исключительной правдивостью и глубиной. Изображая отнятое детство, Горький все же изображает именно детство, точно так же как, рисуя в «Страстях-мордастях» оскверненные и извращенные человеческие отношения, Горький подчеркивает человечность этих отношений.

Достаточно противное и грязное дело — тряпичничество, собирание брошенных вещей по помойным ямам, чем

занимается маленький Илья Лунев под началом добродушного старичка,— изображено Горьким как нечто радостное и светлое для Ильи. Занимаясь тряпичничеством, Илья «стал больше ребенком», чем он был за все годы своей жизни в городе. Горький рисует этот период в жизни Ильи, и мы несколько не сомневаемся в том, что «очень интересно раскапывать кучи разного хлама, находить вилки, гайки, изломанные медные вещи»; мы как-то склонны забыть о том, что запах преющего мусора «давил грудь, щипал в носу,— у Ильи, как у деда, тоже слезы из глаз текли»,— вообще, склонны забыть о всех тяжелых сторонах этого «ремесла». Да и как не забыть об этом, когда «вечером, возвращаясь домой, Илья входил во двор с важным видом человека, который хорошо поработал, желает отдохнуть... Всем детям он внушал почтение к себе солидной осанкой и мешком за плечами, в котором всегда лежали разные интересные штуки... Сияющий и веселый принялся Илья в этот вечер за обычное свое занятие — раздачу собранных за день диковин. Дети уселись на землю и жадными глазами смотрели на грязный мешок. Илья доставал из мешка лоскутки ситца, деревянного солдатика, полинявшие-

го от невзгод, коробку из-под ваксы, помадную банку, чайную чашку без ручки и с выбитым краем.

— Это мне, мне, мне! — раздавались завистливые крики, и маленькие грязные ручонки тянулись со всех сторон к редкостным вещам...»

Эта сцена детского праздника не меньше говорит нам об ужасе отнятого детства, чем даже такие страшные сцены, как убийство отцом Павла Грачева своей жены, матери Павла, в присутствии мальчика, или сцены самых кошмарных избиений детей. Детский праздник вокруг грязного мешка с вещами из помойки и то, что Илья «стал больше ребенком», занимаясь тряпичничеством, — все это не может не припомниться советскому читателю, когда он читает в газетах об открытии дворцов пионеров и октябрят, о детских праздниках, о колониях, о лагерях...

Тряпичничество — едва ли не самый светлый момент не только в детстве, но и во всей жизни Ильи. Он мелькнул — и исчез, заменившись развращающим ребенка «ученичеством» в магазине и всем тем, на что обрекает детей трудящихся капиталистический город. У Павла и у Якова детство отнято еще более жестоким способом, чем у Ильи...

После отнятого детства идут отнятая молодость, отнятая любовь. У Ильи и у Павла любовь отнята одинаково, с незначительными вариациями. Их любимые женщины, Олимпиада и Вера,— проститутки. И хотя Илья и говорит, что «для нашего брата чистых да безгрешных женщин не приготовлено.. Нам они дороги. На них ведь жениться надо: они детей родят. Чистое — все для богатых»,— тем не менее, в их отношения с любимыми женщинами все время вкрадывается отравляющее любовь сознание невозможности примириться с фактом, что любимая женщина продана всякому, у кого есть охота и деньги...

Олимпиада и Вера — замечательные образы оскверненной, проституированной женственности. Обе они — талантливые, умные, красивые, сильные люди, душевно богатые,— Горький всегда умеет показывать душевное богатство и силу русской женщины из народной массы. У обеих много психологического изящества, чуткости, обаятельности, у обеих есть та цельность чувства, которую Горький считал одним из основных человеческих достоинств и которую он всегда противопоставлял раздробленности, измельченности, неспособности к сильному и цельному

переживанию людей мещанского мира. Образы Олимпиады и Веры противостоят образу «законной» проститутки Танечки, обманывающей своего мужа не по страсти, а из любопытства и корысти. Олимпиаду и Веру внутренне еще не очень глубоко захватила грязь их профессии — в «тайник души» она пока не проникла, в то время как чистенькая Танечка развращена насквозь. Олимпиада и Вера — люди неизмеримо более высокой человеческой породы, и именно их жизни, их любовь оказываются загубленными, так же как любовь Ильи и Павла. Вера попадает в тюрьму за кражу. Олимпиада и Илья должны порвать друг с другом, не потому, что перестали любить, а потому, что сама ложность положения, осложненная ненужным им убийством, отравила любовь, лишила ее радости. Уезжая из города, Олимпиада пишет Илье:

«А с первым парходом уеду я из окаянного этого города: в нем я душу свою разможила на всю жизнь».

Илья тоже разможил себя в городе. Самый способ его самоубийства, физически чудовищно жестокий: он разбивается на всем бегу о кирпичную стену, — встает как символ, как образ со-

тен тысяч, миллионов людей, жизни которых разможил капиталистический город...

У трудящегося человека отнято не только право на детство, на молодость, на любовь,— у него отнято право на самого себя, на собственную личность.

«Не свои мы люди на земле» — говорят герои повести. Понимание этой истины больше всего ошеломляет Илью. Все его поиски, оказывается, просто безнадежны! Оказывается, от самого Ильи, от его воли, от его представлений о хорошем и плохом, чистом и грязном, добром и злом — ничего не зависит! Человек живет не сам, а чужой волей, и эта воля враждебна ему и непонятна.

«— Тут что-то всем нам мешает», — говорит Илья Павлу. — «...Глупость или что — не знаю... Только жить по-человечески нет никакой возможности».

Горький с замечательной силой раскрывает беспомощность человеческой личности в капиталистическом обществе, господство над нею стихийных сил. Очень важно подчеркнуть, что в повести «Трое» и в других произведениях Горький непосредственно с этой стихийностью связывает религиозный момент, тем самым художествен-

но раскрывая корни религии. (В этом отношении «Исповедь» с ее неправильной трактовкой вопроса о религии, является не основной линией горьковского творчества, а зигзагом, отходом от нее.)

Герои повести «Трое» остро ощущают власть над ними стихийных враждебных сил.

«— Эх, Илья! Нет нам жизни...» — говорит Павел.

«— Да-а! — протянул Илья...— Творится что-то... мудреное! Давит всех и давит...»

Повесть «Трое» является сгустком важнейших идей горьковского творчества. В частности, этот мотив — власть в капиталистическом обществе стихийных враждебных сил над человеком — проходит через все творчество Горького.

Современная Горькому литература воспевала стихийность, власть судьбы, случая над человеческими жизнями. Эти мотивы сильны в творчестве и Бунина, и Куприна, и Сологуба, и всех крупных и мелких писателей эпохи. С особенной настойчивостью они подчеркнуты в творчестве Леонида Андреева.

Дружеские отношения между Горьким и Андреевым были, в сущности,

историческим парадоксом. Странная была эта дружба-вражда! В приятельских отношениях между собою находились люди, расходившиеся во всем, спорившие не по частностям, а по коренным вопросам мировоззрения. Только присущей Горькому любовью к талантливости, его стремлением попытаться обратиться на пользу революции любой талант можно объяснить эту дружбу. Горький тратил уйму времени на общественное воспитание Андреева, беспощадно критиковал его враждебные социализму произведения,— но между Горьким и Андреевым была классовая пропасть, и Андреев кончил позорной службой у контрреволюции.

Пропасть, отделявшая Андреева от Горького, сказывалась во всем. Начать с того, что вчерашний «босьяк», бродяга Горький и «утонченный» интеллигент Андреев отличались между собою резким несоответствием культурных уровней: Горький был одним из самых образованных людей в России, Андреев был невежественен. Горький с детских лет благоговейно относился к книге, Андреев к книге относился с дикарским неуважением, объясняя это тем, что он «устал» от многовековой культуры и цивилизации. Уже в этом проявлялось отличие выразителя молодого класса,

наследника всей культуры, созданной человечеством, от буржуазного идеолога эпохи загнивания, утерявшего творческую потенцию, утратившего самый «вкус» к культурному строительству, к дальнейшему продвижению культуры. Творчество Андреева целиком входит в тот идеологический цикл, который особенно широко развернулся в буржуазной Европе после войны: проповедь бессилия мысли, ненужности и вредности разума.

«Наиболее острым пунктом наших разногласий,— писал Горький в своем очерке о Леониде Андрееве,— было отношение к мысли.

Я чувствовал себя живущим в атмосфере мысли, и, видя, как много создано ею великого и величественного, верю, что ее бессилие — временно... Леонид воспринимал мысль как «злую шутку дьявола над человеком»; она казалась ему лживой и враждебной».

Творчество Андреева выражало страх гбнущего мира перед объективным, разумным познанием закономерностей действительности. Эту линию начал уже Достоевский — Андреев и в этом отношении был эпигоном. Горький упорно раскрывал объективные законы жизни. С его страстной влюбленностью в мысль, верой в нее, свойственной представи-

телю класса, которому историей назначено построить жизнь на началах разума и свободы,— Горький показывал в своем творчестве унижительность для человека власти над ним «нечеловеческих», «потусторонних» сил. Несмотря на дружбу, Андреев буквально ненавидел в Горьком эти его черты. Его рассказ «Мысль» направлен, по собственному его признанию, не только против мысли и разума, но и лично против Горького; один из героев рассказа, Алексей, и назван так потому, что мишенью Андреева был Горький.

Порабощенности человека стихийными враждебными силами Горький противопоставлял идеал свободного и разумного человека, сознательно направляющего ход жизни в соответствии со своей активной волей.

Горький был непримиримым врагом фатализма, покорности перед стихийностью, мотив борьбы с ними — один из важнейших в его творчестве. Горький видел распространенность фаталистических представлений, их вред для трудящегося человека, — отсюда страстность его полемики и с Достоевским и с Толстым. В рассказе «Ущелье» старик-рабочий на стройке железной дороги после убийства в драке равнодушно констатирует:

«— Это вот нестого убивает на моих глазах...

— Как это: убивает? Убивают!..

Помолчав, он спросил:

— Чего ты сказал? Не пойму...

Я объяснил:

— Убивают люди друг друга...

— Ну, это все равно! Люди ли, машина ли, молонья али так что-нибудь...»

Горький не только в этом разговоре с рабочим, но и всем своим творчеством, обращенным к миллионам рабочих, «объясняет», что это люди убивают людей, что это люди создали такие отношения, при которых, как писал Маркс, «над всем царит нечеловеческая власть».

Илья Лунев прожил недолгую свою жизнь с чувством, что им владела какая-то чужая сила: «У меня всю жизнь все само собой выходило... Я даже человека удушил нечаянно... не хотел, а удушил». Но и он приближается к пониманию того, что дело в отношениях, установленных людьми между собой. За несколько минут до своего самоубийства он устраивает «бунт» на именинах у Танечки и, вроде Фомы Гордеева, произносит «обличительную» речь перед лавочниками и мещанами. Правда, звучит она скорее грустно, чем яростно:

«...Я вот смотрю на вас,— жрете вы, пьете, обманываете друг друга... никого не любите... чего вам надо? Я — порядочной жизни искал, чистой... нигде ее нет. Только сам испортился... Хорошему человеку нельзя с вами жить. Вы хороших людей до смерти забиваете... Я вот — злой, сильный, да и то среди вас, как слабая кошка среди крыс в темном погребе... Вы — везде... и судите, и рядите, и законы ставите... Гады, однако, вы...»

Илья так и умирает, убежденный в том, что «нигде ее нет» — «чистой, порядочной жизни». Павел Грачев узнает, что это не так, что «чистая жизнь» есть, она состоит в борьбе с «крысами», с «гадами». Бездна одиночества Ильи объясняется тем, что он стоит в стороне от главной магистрали жизни, вне общественного производительного труда. С этим и связано то обстоятельство, что «Трое» являются едва ли не единственным крупным произведением Горького, в центре которого не стоит проблема труда. Но рассматривая все творчество Горького в целом, мы видим, что «Трое» перекликаются, теснейшим образом связаны со всеми его произведениями. Те проблемы, которые поставлены в этой повести,— отнятие у тру-

дящихся их человеческих прав,— раз-
вертываются и в других произведениях
Горького, и разрешаются они всегда в
связи с проблемой труда. Сюда, к по-
ложению человека в труде, к произ-
водственным отношениям стя-
нуты все нити горьковского творчества,
именно здесь — основа его гуманизма.

~~ОСНОВА ГИМУНИЗМА ГОРЬКОВОГО ТВОРЧЕСТВА~~

Горький показывает всем своим твор-
чеством, что порабощение человека в
капиталистическом обществе коренит-
ся в самом положении труда при капи-
тализме, в тех отношениях, в которые
вступают люди в процессе труда. Все
виды человеческой порабощенности
связаны с этой первоосновой.

Борьба за человечность неразрывно
связана у Горького с борьбой за осво-
бождение труда. Такая постановка
проблемы гуманизма могла быть дана
только пролетарским, социалистическим
писателем. Мы смело можем сказать,
что Горький на языке художественных
образов показал то, что основополож-
ники марксизма раскрыли на языке те-
ории и практики социализма. Он поста-
вил гуманизм в художественной лите-
ратуре «с головы на ноги».

В «Диалектике природы», в главе, ко-
торая называется «Роль труда в про-

цессе очеловечения обезьяны», Энгельс дал основы марксистского учения о происхождении человека, о происхождении и развитии речи и мышления. Энгельс указал, что язык и мышление развиваются в процессе труда, что «сначала труд, а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны мог постепенно превратиться в человеческий мозг». В этом смысле Энгельс и говорит, что труд создал самого человека. Определяя отличия человека от животного, Энгельс подчеркивает власть над природой: человек заставляет природу «служить своим целям, господствует над ней. И это последнее — важное отличие человека от остальных животных, и этим отличием человек опять-таки обязан труду. (Облагорожение.)»

Но тут же Энгельс предупреждает, что не следует «слишком обольщаться нашими победами над природой», потому что при капитализме, в сущности, нельзя говорить о подлинном господстве человека над природой. За каждую победу над нею «она нам мстит», потому что люди думают только о непосредственной сегодняшней выгоде и не умеют ни предвидеть, ни регулировать последствий сегодняшнего

хозяйничанья. В результате победа человека над природой часто обертывается поражением. Только при социализме человек достигает подлинного господства над природой, освобождается от слепой зависимости от нее и достигает единства с ней, кончает с унижительной для него порабощенностью стихийными силами. Труд при социализме приобретает общественно-планомерный характер,— воздействие человека на природу, ее изменение теряет черты случайности, сближающей человека с животным, и становится подлинно человеческим.

Труд «создал самого человека», он определил все развитие человека, его «облагорожение», самая человечность зависит от труда. Если труд низводится к случайному, анархическому хозяйничанью, если труд обесмысливается и обесценивается, то обесценивается и низводится на положение животного человек. Поэтому капитализм направлен против человека и человечности. Паразитизм, эксплуатация чужого труда неизбежно порождают озверение эксплуататоров. Вместе с тем трудовое человечество, во главе с пролетариатом, формирует новую, подлинную человечность, которая может утвердиться на земле только при победе

социализма. Капитализм сам воспитывает своих могильщиков.

Всем своим творчеством Горький доказывает эти истины марксизма, впервые в художественной литературе объясняя всяческое унижение и «обесчеловечивание» человека положением труда в капиталистическом обществе, озверение и бесчеловечность — паразитизмом, рост новой человечности — связью с трудом, борьбой с эксплуатацией.

Идеалистическое мировоззрение до такой степени владеет еще умами, — писал Энгельс, — что «даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясного представления о происхождении человека, так как в силу влияния этого идеалистического мировоззрения они не видят роли, которую играл при этом труд». Мы можем сказать, что даже наиболее передовые художники до Горького, даже те из них, которые приближались к материализму в своем творчестве, самые яркие гуманисты не могли до конца раскрыть причины «унижения и оскорбления» человека, так как они не видели решающей роли, которую играют в этом унижении те производственные отношения, в которые вступает человек в капиталистическом обществе.

В самых ранних своих произведениях Горький сразу выступает и с гимном Человеку, и с протестом против порабощения труда. Молодой Горький остро чувствовал проклятие труда в капиталистическом обществе, и в своих первых рассказах он подчеркивал именно эту сторону проблемы. Вот какой трудовой пейзаж рисовал Горький в «Челкаше»:

«Гранит, железо, дерево, мостовая гавани, суда и люди — все дышит мощными звуками страстного гимна Меркурию. Но голоса людей, еле слышные в нем, слабы и смешны. И сами люди, первоначально родившие этот шум, смешны и жалки: их фигурки, пыльные, оборванные, согнутые под тяжестью товаров, лежащих на их спинах, суетливо бегают то туда, то сюда в тучах пыли, в море зноя и звуков, они ничтожны по сравнению с окружающими их железными колоссами, грудами товаров, гремящими вагонами и всем, что они создали. Созданное ими поработило и обезличило их. (Разрядка моя; В. Е.)

Стоя под парами, тяжелые гиганты-пароходы свистят, шипят, глубоко вздыхают, и в каждом звуке, рожденном ими, чудится насмешливая нота презрения к серым, пыльным фигурам

людей, ползавших по их палубам, наполняя глубокие трюмы продуктами своего рабского труда. До слез смешны длинные вереницы грузчиков, несущих на плечах своих тысячи пудов хлеба в железные животы судов для того, чтобы заработать несколько фунтов того же хлеба для своего желудка. Рваные, потные, отупевшие от усталости, шума и зноя люди и могучие, блестящие на солнце дородством машины, созданные этими людьми, — машины, которые в конце концов приводились в движение все-таки не паром, а мускулами и кровью своих творцов, — в этом сопоставлении была целая поэма жестокой иронии».

Горький дает яркую картину разрыва между человеком и производительными силами, порабощения трудящегося человека созданной им техникой. С точки зрения художественной любопытно отметить активность горьковского пейзажа: в нем непосредственно содержится оценка, тот приговор искусства над явлениями жизни, о котором говорил Чернышевский. Горьковский пейзаж всегда — пейзаж-приговор, пейзаж-оценка.

В этом смысле горьковский пейзаж напоминает пейзаж позднего Толстого — вспомним, например, городской

пейзаж, которым открывается «Воскресение»:

«Как ни старались люди, собравшись в одно небольшое место несколько сот тысяч, изуродовать ту землю, на которой они жались, как ни забивали камнями землю, чтобы ничего не росло на ней, как ни счищали всякую пробивающуюся травку, как ни дымили каменным углем и нефтью, как ни обрезывали деревья и ни выгоняли животных и птиц,—весна была весною даже и в городе... Веселы были и растения, и птицы, и насекомые, и дети. Но люди — большие, взрослые люди — не переставали обманывать и мучить себя и друг друга. Люди считали, что священо и важно не это весеннее утро, не эта красота мира божия, данная для блага всех существ,—красота, располагающая к миру, согласию и любви, а священо и важно то, что они сами выдумали, чтобы властвовать друг над другом».

Оба пейзажа дают оценку существующему строю жизни, осуждают глубокое противоречие между ним и человеком, оба гуманистичны, человечны по своей сути. Но в то время как «человек» в толстовском пейзаже абстрактен, в горьковском он вполне конкретен, это — человек, создающий мате-

риальные ценности своим трудом. В толстовском пейзаже человеческие законы противопоставляются естественным, «божьим» законам,— в горьковском речь идет о вполне конкретных противоречиях общественного строя, при котором создания человеческих рук, человеческого гения становятся враждебными ему, при котором созданное самими людьми порабощает и обезличивает их. В толстовском пейзаже заключен вывод, который можно, примерно, выразить так: противоречие будет устранено тем, что естественные, «божьи» законы возьмут свое, вопреки противодействию людей. Весна всегда есть весна... «Вывод» горьковского пейзажа конкретен: противоречие будет устранено самим человеком, создающим ценности, потому что если он создал все то, что поработило и обезличило его, то он же сможет и перевернуть это соотношение, взяв власть над тем, что им создано. Горьковский пейзаж активен в том смысле, что он всегда — призыв к действию. Толстовский же пейзаж есть пейзаж-рассуждение. Оба гуманистичны, но один носит отвлеченный характер, другой конкретен — потому что человечность его связана с борьбой за освобождение труда.

В горьковском пейзаже мы чувствуем горечь, оскорбление за то, что труд превращен в проклятие, что человек поработан продуктами своего собственного труда. Машины, «блестевшие на солнце дородством», и пыльный, жалкий человек, даже забывший о том, что он создал эти машины,— это сопоставление Горький рисует как поэму «жестокой иронии». «До слез смешны» фигуры людей... До слез — потому что Горький знает другой облик этих поработанных рабским трудом людей,— облик, полный подлинного величия. Искажение этого облика не может не оскорблять «до слез».

В мировой литературе мало художников, которые умели бы с горьковской силой воспевать радость и счастье общественного труда, «восторг деланья». Горький был первым художником, выразившим скорбь миллионов людей об утерянной радости труда, об отнятом праве на труд. Горький выразил двойственность отношения народа к труду в мире, искаленном капитализмом. На раннем этапе творчества Горький ощущает проклятие рабского труда с такой остротой, что в его творчестве звучат некоторые нотки — не то что симпатии, но известного сочувственного

интереса к отрицателям труда вроде Челкаша и других «босяков». Эти нотки очень скоро ослабевают, и труд всегда предстает в дальнейшем у Горького и как проклятие, и как самая огромная человеческая радость — вернее: как радость, превращенная в проклятие.

«... мне хорошо памятен день, когда я впервые почувствовал героическую поэзию труда», — писал Горький в «Моих университетах».

«Под Казанью села на камень, проломив днище, большая баржа с персидским товаром; артель грузчиков взяла меня перегружать баржу. Был сентябрь, дул верховый ветер, по серой реке сердито прыгали волны, ветер, бешено срывая их гребни, кропил реку холодным дождем. Артель, человек полсотни, угрюмо расположилась на палубе пустой баржи, кутаясь рогожами и брезентом... Вечерело. Свинцовое, мокрое небо, темнея, спускалось над рекой. Грузчики ворчали и ругались, проклиная дождь, ветер, жизнь, лениво ползали по палубе, пытаются спрятаться от холода и сырости. Мне казалось, что эти полусонные люди не способны к работе, не спасут погибающий груз».

Но вот «тяжелые, ленивые, мокрые

люди» начали «показывать работу». Они, «точно в бой, бросились на палубы и в трюмы затонувшей баржи, с гиком, ревом, прибаутками. Вокруг меня с легкостью пуховых подушек летали мешки риса, тюки изюма, кож, каракуля, бегали коренастые фигуры, ободряя друг друга воем, свистом, крепкой руганью... Работали так, как будто изголодались о труде, как будто давно ожидали удовольствия швырять с рук на руки четырехпудовые мешки, бегом носиться с тюками на спине. Работали играя, с веселым увлечением детей, с той пьяной радостью делать, слаще которой только объятие женщины... Я тоже хватал мешки, тащил, бросал, снова бежал и хватал, и казалось мне, что и сам я, и все вокруг завертелось в бурной пляске, что эти люди могут так страшно и весело работать без устали, не щадя себя — месяца, года, что они могут, ухватясь за колокольни и минареты города, стащить его с места, куда захотят.

Я жил эту ночь в радости, не испытанной мною, душу озаряло желание прожить всю жизнь в этом полубезумном восторге деланья... Казалось, что такому напряжению радостно разъяренной силы ничто не может противостоять, она способна содейть чудеса

на земле, может покрыть всю землю в одну ночь прекрасными дворцами и городами, как об этом говорят вещи сказки...

И до двух часов дня, пока не перегрузили весь товар, полуголые люди работали без отдыха, под проливным дождем и резким ветром, заставив меня благоговейно понять, какими силами богата человеческая земля...»

Величие человека, его богатство и мощь раскрываются в труде. Труд есть величественное, яркое и прекрасное проявление человека, в нем находят выход лучшие человеческие силы.

Приведенные отрывки из «Челкаша» и «Моих университетов», столь резко противоположные друг другу, ярко показывают те два лика труда, которые предстают перед нами во всем горьковском творчестве. Объективное положение труда в капиталистическом обществе выражено в процитированном отрывке из «Челкаша». Но влюбленность трудового человека в труд, его страсть к труду, с такой несравненной яркостью изображенные в «Моих университетах», — и есть та сила, которая возмущается тем, что счастье труда превращено в самую тяжелую муку, в самое проклятое страдание.

Почти каждая сцена трудового ге-

роического порыва, восторга, вроде приведенной выше, кончается у Горького пьянством, бессмысленным озорством, в котором люди топят свою жесточайшую, не вполне понятную им обиду на то, что могучее напряжение всех лучших человеческих сил, которое бывает в труде,— в сущности, бессмысленно, бесплодно, не создает для самих трудящихся никакой радости. Прочитанная сцена из «Моих университетов» кончается тем, что после работы «перешли на пароход и там все уснули, как пьяные, а приехав в Казань, вывалились на песок берега потоком серой грязи и пошли в трактир пить три ведра водки. Там ко мне подошел вор Башкин, осмотрел меня и спросил:

— Чего с тобой делали?

Я с восторгом рассказал ему о работе, он выслушал меня, и, вздохнув, сказал презрительно:

— Дурак. И — хуже того — идиёт.

Посвистывая, виляя телом как рыба, он уплыл среди тесно составленных столов,— за ними шумно пировали грузчики, в углу кто-то, тенором, запевал похабную песню. Хохот, свист, и гремят слова, которым по отчаянному цинизму, вероятно, нет равных на земле».

Странно читать о людях, только что

показавших могучую силу, «которую богата человеческая земля», силу, способную «покрыть всю землю в одну ночь прекрасными дворцами и городами»,— странно читать об этих людях, что они «вывалились на песок потоком серой грязи». Многомиллионная величественная армия строителей сказочных дворцов— и многомиллионный человеческий поток серой грязи,— эти два облика трудящегося человечества отрицают друг друга, и они переплетены друг с другом в творчестве Горького.

Опустошающая человека, изнуряющая бесплодность труда в капиталистическом обществе раскрыта Горьким в длинном ряде произведений. Центральную роль играет эта тема в «Фоме Гордееве». Образ Фомы, как уже сказано, во многом близок образу Ильи Лунева. Это тоже сильный, незаурядный человек, со стихийным стремлением к правде, с мучительными поисками ее. В обоих образах Горький рисует «натурального» человека, не испорченного, по ряду индивидуальных условий, капитализмом и вместе с тем стоящего в стороне от главной магистрали, по которой движется жизнь. Оба — социально одиноки, не могут примкнуть ни к одной из двух главных борющихся

сил. Фома — купец, купеческий сын, но Горький в одном из писем совершенно правильно указывал на то, что Фома никак не является типическим представителем своего класса, это «только здоровый человек, который хочет свободной жизни, которому тесно в рамках современности».

В этом смысле образ Фомы примыкает к основному образу всего горьковского творчества — к образу большого и сильного человека, протестанта и бунтаря, которому тесно в рамках современности и который «хочет свободной жизни». Фома — бунтарь, он порывает со своим классом. Самая возможность появления людей вроде Фомы — симптом глубокого неблагополучия внутри буржуазии. Проблема, поставленная Горьким в «Фоме Гордееве», исключительно глубока и важна. В отличие от Ильи Лунева, для Фомы Гордеева вопрос о труде стоит в центре всех его поисков правды. Это связано с самим положением Фомы: после смерти отца он является наследником большого «дела», хозяином, и он не может не думать о «деле», о своей роли в нем. Он ищет оправдания этому «делу» и не может найти его. Он ищет человечности, как и Илья Лунев, но для него эти вопросы связываются с

вопросами о труде. Бессмысленность, неоправданность эксплуатации и паразитизма поражают Фому, он смутно чувствует, что именно здесь, в паразитической эксплуатации труда, и есть основа той бесчеловечности, с которой он сталкивается в людях своего класса и прежде всего в Якове Маякине. Как и для Ильи Лунева, гибель является неизбежной для Фомы. «Такие люди все пропадут»,— уверенно говорит Фоме его любовница Саша. Социальное одиночество— причина гибели и Ильи и Фомы.

Так же как и в повести «Трое», тот факт, что центром произведения является «натуральный», цельный, непосредственный человек,— помогает Горькому трагически поставить вопрос о невозможности удовлетворения простых, естественнейших человеческих стремлений в капиталистическом обществе. Фома — «только здоровый человек», со свойственным здоровому человеку стремлением к осмысленному труду. Но именно поэтому он неизбежно должен погибнуть: в той среде, в которой рожден Фома, не могут уживаться здоровые люди. Если бы крестный Фомы, Яков Тарасович Маякин, захотел продолжать «обламывать» Фому, дрессировать его,— то, быть может, ему и уда-

лось бы загнать внутрь здоровые человеческие стремления Фомы — тогда мы получили бы Егора Булычева, этого постаревшего Фому Гордеева, у которого загнанные внутрь здоровые человеческие стремления прорываются только перед лицом смерти. Но у Маякина отпал расчет готовить из Фомы своего преемника, наследника, и, так как Фома не желает подчиняться законам маякинского мира, крестный решает предоставить Фому самому себе и погубить его.

Все богатство природы Фомы пошло на бесплодный «бунт», вся его сила разрешилась в разоблачительной речи, которую он произносит перед купцами, давая эту речь Маякину повод упрятать его в сумасшедший дом. Так «истратился» Фома Гордеев, как неразорвавшийся снаряд, так закончилась история бунта человека, который хотел «только» одного: иметь право быть простым, здоровым человеком.

Из всех стремлений Фомы Горький с особой настойчивостью подчеркивает именно стремление к осмысленному труду. Особенно тяжело чувствует Фома, что он лишен радости труда. Одним из важнейших моментов во всем романе является сцена, очень близкая приведенному отрывку из «Моих универ-

ситетов». Здесь тоже изображен героический трудовой подъем, который уступает место обидной, оскорбительной пустоте. Поднимают со дна принадлежащие Фоме Гордееву затонувшие баржи.

«Фомой овладело странное волнение: ему страстно захотелось влиться в этот возбужденный рев рабочих, широкий и могучий как река, в раздражающий скрип, визг, лязг железа и буйный плеск волн. У него от силы желания выступил пот на лице, и вдруг, оторвавшись от мачты, он большими прыжками бросился к вороту, бледный от возбуждения... Голова у него кружилась, глаза налились кровью, он ничего не видел и лишь чувствовал, что ему уступают, что он одолевает, что вот, сейчас, он опрокинет силой своей что-то огромное, заступающее ему путь,— опрокинет, победит и тогда вздохнет легко и свободно, полный гордой радости. Первый раз в жизни он испытывал такое одухотворяющее чувство и всей силой голодной души своей глотал его, пьянел от него и изливал свою радость в громких ликующих криках в лад с рабочими».

Горький и здесь изображает то чувство, которое можно назвать яростью труда. Он рассказывает о том,

как в труде человек «познает себя самого», свою силу, свою ценность. Но — вот чем разрешается подъем, испытанный Фомой. Рабочие поздравляют его с тем, что «сто семьдесят тысяч пуд ровно редьку из грядки выдернули». Фома, у которого еще не остыло возбуждение, смотрит на одну из поднятых барж.

«— Подняли?— спросил Фома, не зная, что ему сказать при виде этой безобразной тяжелой массы, и снова чувствуя обиду при мысли, что лишь ради того, чтобы поднять из воды эту грязную, разбитую уродину, он так вскипел душой, так обрадовался».

Дикое, бросающееся в глаза несоответствие между высокой человеческой природой труда, его величием, героизмом и красотой — и жалкою целью труда в капиталистическом обществе поражает Фому, вызывает обиду, оскорбление за самую радость труда, только что испытанную им. Чувство обиды заставляет Фому делать смешные и неприличные в его положении «хозяина» поступки.

Рабочие просят Фому пожертвовать «на ведерочко» в награду за героический трудовой подвиг, из числа тех, за которые в стране социализма, столь далекой от Фомы, наградили бы почетом.

Чувствуя оскорбительное несоответствие между героическим трудом и такой жалкой оценкой его теми самыми людьми, которые совершили подвиг, не зная, кому, куда, какой силе нужно адресовать обиду, Фома с горечью говорит рабочим в ответ на просьбу о «ведерочке»:

«— Вам бы все пьянствовать только! Вам все равно, что ни делать! А вы бы подумали — зачем? К чему?.. Эх, вы! Понимать надо...

На лицах людей, окружавших его, выразилось недоумение.

— Разве наше дело понимать? — сказал русский парень, потрянув головой. Ему уже скучно стало говорить с Фомой; он заподозрил его в нежелании дать на водку и сердился немножко...

А Фома воодушевлялся желанием говорить что-то правильное и веское, после чего бы все эти люди отнеслись к нему как-нибудь иначе, — ему не нравилось, что все они, кроме русого, молчат и смотрят на него недружелюбно, исподлобья, такими скучными, угрюмыми глазами.

— Нужно такую работу делать, — говорил он, двигая бровями, — чтобы и тысячу лет спустя люди сказали: вот это богородские мужики сделали... да!

Русый парень с удивлением взглянул на Фому и спросил:

— Волгу, что ли, нам выпить? — А потом фыркнул, покачал головой и заявил: — Не сможем мы этого, — полопаемся все!..

Фома сконфузился от его слов и посмотрел вокруг себя. Мужики улыбались хмуро, пренебрежительно. Эти улыбки кололи его, как иглы.

Какой-то серьезный мужик, с большой сивой бородой, до этой поры не открывавший рта, вдруг открыл его, подвинулся к Фоме и медленно выговорил:

— А ежели нам и Волгу досуха выпить, да еще вот этой горой закусить — и это забудется, ваше степенство. Все забудется, — жизнь-то длинна... Таких делов, чтобы высоко торчали, — не нам делать...»

Кончается тем, что Фома «жертвует» на три ведра и уезжает на берег пустой, выхолощенный, с мучительной обидой на то, что самое лучшее, испытанное им за всю жизнь, — хмельная ярость труда, подъем всех сил, чувство любви и уважения к себе и к тем, кто работает вместе с ним, ощущение беспредельной силы, — все это оказалось «ненастоящим», не имеющим равной себе, столь же величественной цели, достой-

ной этого напряжения всех лучших сил.

«Здоровому человеку», каким является Фома, нужно делать такую работу, «чтобы и тысячу лет спустя» люди помнили о тех, кто ее делал, работу для всего человечества. Но такой работы нет: Противоречие между величию труда, его высокой человеческой природой и его жалкой целью и жалкой оценкой в капиталистическом обществе, между общественной, радостно-коллективной сущностью труда и присвоением его результатов «случайными индивидами», как писал Маркс — является главным в том цикле «развращающих душу» противоречий капитализма, который отобразил в своем творчестве Горький. Идейная ценность «Фомы Гордеева» состоит в том, что в этом, сравнительно раннем своем произведении Горький показал связь человечности с трудом, поставил ту проблему, которая определяет своеобразие его творчества.

Если труд не ценится, если искажается и извращается его высокая человеческая сущность, то не ценится и человек. С этим и связана скорбная и гневная нота, которая звучит на протяжении всего горьковского

творчества. «Никому не нужен человек»... «Человек дешев у нас в России» — с этим ощущением живут горьковские герои. Еще Мармеладов из «Преступления и наказания» выразил страшное, безысходное одиночество человека в волчьем капиталистическом мире своим воплем о том, что человеку «некуда пойти». Дешевизна человека в капиталистическом обществе была угадана и отражена многими писателями до Горького. Но только Горький изображает непосредственную связь между дешевизной человека и дешевизной труда.

На совещании стахановцев товарищ Сталин говорил:

«Люди работают у нас не на эксплуататоров, не для обогащения тунеядцев, а на себя, на свой класс, на свое, советское общество, где у власти стоят лучшие люди рабочего класса. Поэтому-то труд имеет у нас общественное значение, он является делом чести и славы. При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получай больше и живи себе, как знаешь. Никто тебя не знает и знать не хочет. Ты работаешь на капиталистов, ты их обогащаешь? А как же иначе? Для того тебя и наняли, чтобы ты обогащал эксплуататоров. Ты

не согласен с этим,— ступай в ряды безработных и прозябай, как знаешь,— найдем других, более сговорчивых. Поэтому-то труд людей не высоко ценится при капитализме. Понятно, что в таких условиях стахановскому движению не может быть места. Другое дело — в условиях советского строя. Здесь трудовой человек в почете. Здесь он работает не на эксплуататоров, а на себя, на свой класс, на общество. Здесь трудовой человек не может чувствовать себя заброшенным и одиноким. Наоборот, трудовой человек чувствует себя у нас свободным гражданином своей страны, своего рода общественным деятелем. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать,— он герой труда, он овеян славой».

(И. В. Сталин. Речь на первом все-союзном совещании стахановцев. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935; разрядка всюду моя; В. Е.)

В этих словах товарища Сталина сформулирована сущность социалистического гуманизма. Человек при социализме не может быть одиноким (речь идет о человеке, а не о паразитах), не может быть такого положения, при котором человеку «некуда

было бы пойти». При капитализме человек не ценится, потому что не ценится труд. Там человека никто не знает и знать не хочет. «Никому не нужен человек...»

Горький называл Сталина своим «старшим товарищем», учителем и другом. Мы видим, что творчество Горького подтверждает, обосновывает этот характер отношений между вождем рабочего класса, великим Сталиным, и художником рабочего класса Горьким.

В том новом, что внес в богатство марксизма-ленинизма товарищ Сталин, одно из видных мест занимает проблема социалистического гуманизма. Все учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина проникнуто гуманизмом. Диктатура пролетариата и насилие над эксплуататорами есть проявление социалистического гуманизма, той великой любви к трудящемуся человечеству, которой проникнуто все учение коммунизма. Но социализм стал реальностью под руководством Сталина, под его руководством осуществилось на практике торжество социалистического гуманизма, и самая проблема была теоретически разработана Сталиным в связи с богатейшей практикой ударничества, социалистического соревнования, стахановско-

го движения — сталинской могучей и радостной «яростью труда», — в связи с огромным ростом во всех областях социалистического строительства сталинских кадров, прошедших школу классово-вой борьбы, в которой воспитывались в них сталинская великая любовь к людям и сталинская великая ненависть к врагам трудящегося человечества.

Горький с первых шагов своего творчества тянулся к тому, что мы называем социалистическим гуманизмом. В страшной окурившей тьме, среди заплеванных людей, Горький мечтал о том, что придет кто-то «мудрый и сильный» и объяснит ему жизнь и его самого. С этим мудрым и сильным Горький встретился в лице Лежина, который объяснил ему цели борющегося пролетариата, а затем в лице Сталина, который раскрыл перед Горьким богатство победившего социализма и сущность социалистического гуманизма. Так великие вожди рабочего класса объяснили Горькому его самого, смысл всего горьковского творчества...

Трудящийся человек в капиталистическом обществе значительно дешевле свиньи. Эта истина с наглядностью подтверждалась в капиталистической Рос-

сии. На точке зрения, что работник дешевле свиньи, стоит Василий Семенов, герой одной из самых замечательных повестей Горького «Хозяин». Эту же точку зрения выражает другой «хозяин» вчерашней русской жизни, о котором рассказывает смешливая кухарка из «Жизни Матвея Кожемякина»:

«— Говорю я Быкову: Тимофей Павлыч, а ведь ты свиней кормишь лучше, чем работников. Так, говорит, и надо: жирный работник к чему мне? А свинья для меня живет, она — вся моя!»

Запоздалость и ускоренный темп капиталистического развития России, переобремененность феодальными пережитками и творческая бесплодность русской буржуазии определяли особенную силу широко распространенного равнодушно-звериного отношения к человеку. Только фашистской буржуазии сейчас удалось превзойти царско-буржуазную Россию в отношении дикости и зверства.

Горький дал поразительно богатую, разнообразнейшую галерею портретов «хозяев» вчерашней русской жизни, представителей самых разных групп буржуазии. Здесь и бездарные Петры Артамоновы, не только не имеющие «пафоса» дела, но и просто стонущие под тяжестью этого «дела», тут и

«европеизирующиеся» буржуа вроде Тараса Маякина и Алексея Артамонова, тут и такие кондовые представители «исконной» русской буржуазии, как Яков Тарасович Маякин, тут портреты и таких массовых представителей русской буржуазии, как Василий Семенов. Тут пестрая серия героев русского первоначального накопления с бесчисленными историями их карьер, основанных на грабежах, убийствах, мошенничествах всех видов. Тут и Фомы Гордеевы, и Ильи Артамоновы, и Лютовы, и Булычевы, свидетельствующие о внутреннем неблагополучии класса и об отходе от него наиболее здоровых или беспоконных элементов. Приходится изумляться жадной цепкости писательского зрения Горького, творческой силе ненависти, помогавшей ему проследить и воссоздать все формации, все разновидности врага.

Если капитализм лишает трудящихся человеческих прав, то разложение человека относится прежде всего к самим паразитическим классам. Презрение к труду, свойственное им, разрушает прежде всего их самих, выветривает начисто и окончательно все человеческое. У людей труда, и прежде всего у пролетариев, несмотря на всю бешеную энергию, с которой стремится

буржуазия привить им свои черты и развратить их, не только сохраняется, но и растет новая, высокая человечность. Рассматривая человека как скотину, буржуазия сама превращается в скотину.

С потрясающей силой даны вырождение, полный распад и разложение человека в изумительном образе хозяина пекарни, булочника Василия Семенова («Хозяин»). Читателю буквально жутко проникать вместе с Горьким в тайники этой «психики», если можно назвать «психикой» какую-то темную, зловонную яму, в которой догнивает то, что было человеком. Горький дал много образов «бывших людей». Но есть в его творчестве одна поразительная особенность. Дело в том, что именно горьковские «хозяева» являются подлинными «бывшими людьми», а трудовые люди, выброшенные «на дно» капиталистического общества, всегда сохраняют остатки человечности.

Как это ни парадоксально, человеческое у Василия Семенова проявляется в общении не с людьми, а со... свиньями. Лаская свиней, Василий Семенов, с его угрюмым, опухшим и заплывшим лицом, становится каким-то «новым и любопытным», — страшно смо-

треть, как неожиданно оживляется лицо трупа, как просыпается в нем далекий отзвук, воспоминание о жизни. Зверски и отвратительно избивающий людей, работающих у него, и развращающий, заражающий их трупным дыханием, Василий Семенов нежно ласкает свиней...

«... Я стою в сенях и, сквозь щель, смотрю во двор: среди двора на ящике сидит, оголив ноги, мой хозяин, у него в подоле рубахи десятка два булок. Четыре огромных иоркширских борова, хрюкая, трутся около него, тычут мордами в колени ему,— он сует булки в красные пасти, хлопает свиней по жирным, розовым бокам и отечески-ласково ворчит пониженным, незнакомым мне голосом:

— У-у, кушать хочется зверям, булочки звери хотят? На, на, на...

Его толстое лицо расплылось в мягкой полусонной улыбке, серый глаз ожил, смотрит благожелательно, и весь он какой-то новый...

Боров ткнул его рылом в бок,— Семенов покачулся на ящик и сладостно захохотал, встряхивая рыхлое тело и сморщив лицо так, что его разные глаза утонули в толстых складках кожи.

— Отшельнички-шельмочки! — взвиз-

гивал он сквозь смех.— В темноте... во тьме живут, а — вот они — чхо, чхо! Во-от они — а! Затворнички, угоднички мои-и...

Свиньи отвратительно похожи одна на другую,— на дворе мечется один и тот же зверь, четырежды повторенный с насмешливой, оскорбляющей точностью. Малоголовые, на коротких ногах, почти касаясь земли голыми животами, они на скакивают на человека, сердито взмахивая седыми ресницами маленьких ненужных глаз,— я смотрю на них, и точно кошмар давит меня.

Подвизгивая, хрюкая и чавкая, иоркширы суют тупые, жадные морды в колени хозяина, трутся о его ноги, о бока — он, тоже взвизгивая, отмахивает их одною рукою, а в другой у него булка, и он дразнит ею боровов, то — поднося ее близко к пастям, то — отнимая, и трясется в ласковом смехе, почти совершенно похожий на них, но еще более жуткий, противный и — любопытный».

Эти строки встают как концентрированный образ буржуазии, обнажение ее ничем не прикрытой, скотской сущности. Это — образ буржуазного свинства. «Хозяин» Василий Семенов, дошедший в своем разложении до тождества со свиньей, «но еще более жуткий,

противный»; потому что все же это бывший человек,— он многократно повторен в длинном ряде горьковских образов «хозяев». Разумеется, каждый такой образ отличается у Горького индивидуальным своеобразием,— но сущность их одна и та же, в каком бы облике она ни представала. По жизни «мечется один и тот же зверь», как кошмар, и давит все человеческое.

Неизбежность озверения человека, живущего эксплуатацией чужого труда, великолепно раскрыта Горьким в рассказе «Три дня». Герой его — молодой кулацкий парень, сын мельника, мечтающий о смерти отца. Он еще не «хозяин», он еще способен на кое-какие человеческие переживания, даже на дружбу с бедняком, с учителем — с лучшими людьми деревни, есть еще человеческое и в его любовных отношениях,— но над всем этим уже нависает хозяйское, звериное, пока еще не очень резко обозначившееся начало. Но вот отец его умирает (отчасти при его содействии — он не едет и не посылает во-время за врачом), — и Горький гениально изображает скачок, переход количества в качество, — он показывает, что перед нами уже почти вполне готовый, сложившийся зверь, хищник. Горький ясно раскрывает перед

нами всю перспективу жизни своего героя — и герой сам думает о том, как будет он вытягивать жилы из людей, бить и унижать их, в том числе свою жену, — он прогоняет появившуюся было мысль — не простить ли людям их долги его отцу? Он понимает, что все это «бессмысленные мечтания» молодости, что если ты — хозяин, так и будь им, что иначе — просто нельзя. Рассказ кончается тем, что герой его «плакал последними человеческими слезами», — мы знаем, что больше он так плакать уже не будет, мы видим всю его дальнейшую жизнь. Рассказ этот замечателен и классическим портретом кулачества, данным в нем, и тем, как изображены в нем молодость кулацкого парня и скачок к зрелости, когда перед нами сразу предстает одна из разновидностей буржуазного зверя, и, главное, тем, как изображает Горький неизбежность озверения паразитических классов. «Последние человеческие слезы» героя рассказа и есть слезы прощания с человечностью. Он чувствует неизбежность предстоящего ему озверения, он понимает, что он хоронит в себе человека. Но, в конце концов, эти слезы не столько трагичны, сколько злобны и сентиментальны...

Изображая черты, свойственные всякой буржуазии, и прежде всего процесс озверения, полного разложения человечности, Горький дает эти интернациональные черты, рисуя портрет русской буржуазии во всем ее историческом и национальном своеобразии. Наряду с крепкой, звериной хваткой хищника, упорством в паразитическом накоплении богатства, Горький великолепно изобразил и политическую несамостоятельность, творческую бесплодность русской буржуазии, ее азиатскую дикость, ее подхалимство перед самодержавием. Имеющая основания для недовольства царизмом, она, тем не менее, не способна к самостоятельному, серьезному политическому действию, пресмыкается перед царизмом, зверино ненавидя пролетариат и боясь его растущей силы. Она корнями своими связана с самодержавием, ее «фронта» — вялая, бездарная, способная только на отдельные тусклые вспышки.

Вся горьковская галерея портретов русской буржуазии — замечательная художественная иллюстрация ленинского положения о том, что «победа буржуазной революции у нас невозможна, как победа буржуазии» (т. XII, стр. 209).

Горьковская галерея представляет

собою разоблачение утопичности и бессмысленности лакейских надежд меньшевиков на самостоятельную роль русской буржуазии. Мы видим российскую буржуазию у Горького и в «деле» и в быту, мы узнаем ее интимнейшие стороны — и не можем не согласиться с впечатлением о ней Матвея Кожемякина. Это впечатление сложилось у него после его первого «дружеского» общения с представителями своего класса на пирушке «лучших людей» города, во время которой люди необычно разговорились, — Кожемякин разговаривал их своей странной для них откровенностью:

«— Экая нищета у этих против тех! («тех» — революционеров; В. Е.). Ни мыслей нет, ни даже слов. Держатся за наибольшее говорливого, как слепые за поводыря...»

Это наблюдение относится не только к окурковским представителям буржуазии. На нижегородской ярмарке, где собрались люди, ворочавшие торговлей и промышленностью страны, крупнейшие купцы и фабриканты, все они также не имеют «ни мыслей, ни слов» (разумеется, речь идет не о личной глупости, — Горький показывает, что среди этих людей есть по-своему умные и талантливые — например, тот же Василий

Семенов далеко не дурак! Речь идет о политических «мыслях и словах»). Все эти воротилы также «держатся за наиболее говорливого» (в данном случае за Алексея Артамонова, — «Дело Артамоновых»).

Азиатская дикость русской буржуазии, отсутствие творческого созидательного пафоса, с которым, как-никак, пришла на историческую арену буржуазия в Европе, ни с чем не сравнимый страх перед пролетариатом, звериная ненависть к нему, циничное презрение к «мужику», из которого в большинстве своем недавно вышла, — все эти черты русской буржуазии встают перед нами со скульптурной четкостью в произведениях Горького.

«...мужика много в России, — какие громадные миллионы мужика!» — орет подвыпивший Алексей Артамонов. — «Он и работник, он и покупатель, где это есть в таком числе? Нигде нет!»

Предел «революционности», максимум политических «дерзаний» российской буржуазии формулирует тот же Алексей Артамонов:

«Нам одно надобно: чиновники другие! Господа! Дворянство чахнет, оно не помеха нам, а чиновники у нас должны быть свои...»

Вот и все! Читая подобные этому, правдивые горьковские описания, не можешь не вспомнить о проникнутых силою казнящего презрения ленинских статьях против меньшевиков, лакействовавших перед этой пресмыкавшейся русской буржуазией!

Буржуазное свинство нарисовано Горьким во множестве картин. Петр Артамонов, попавший на нижегородскую ярмарку, «не мог понять: что же это, как же это? Люди работают, чтоб накопить как можно больше денег, а потом — жгут деньги, бросают их горстями к ногам распутных женщин? И все это большие, солидные люди, женатые, детные, хозяева огромных фабрик».

«Самые низкие инстинкты, подлая алчность, страсть к грубым наслаждениям, отвратительная скупость, разбойничье присвоение общественного имущества» — все эти свойства буржуазии, о которых писал Энгельс, встают перед нами в горьковском творчестве в образной конкретности. Неуважение к собственному «делу», к своей деятельности, усиливавшее презрение к труду работавших на нее людей — в этом было немало и национальных особенностей русской буржуазии. Во всем этом и заключался ответ на вопрос, мучивший горьковских персонажей:

«Почему у нас в России так дешев человек?»

«Мужика миллионы», чего с ним стесняться? — чего стесняться с рабочей силой?

«Похоже, как будто кто-то швыряется людьми, как пьяный нищий золотом, случайно данным ему в милостыню; швыряется — не понимает ценности дара, дотоле невиданного им», — этими словами Матвея Кожемякина определяет Горький отношение к трудовому человеку в капиталистической России.

Битьем, целой системой холодно-равнодушных издевательств «воспитывала» себе русская буржуазия кадры нужных ей «надсмотрщиков», из работающих на нее людей стремилась начисто выбить самое представление о человеческом достоинстве, заставить людей попросту забыть о том, что они — люди... Развращение рабочих буржуазией всегда состоит в том, что она стремится «воспитать» их по образу и подобию своему. Русская буржуазия, внутреннюю пустоту и звериную дикость которой столь многосторонне изобразил Горький, стремилась просто и примитивно-жестоко задавить человеческое в людях, забить их, используя тот факт,

что в «стране рабов, стране господ» битье было не в новинку. Современная фашистская буржуазия, побившая все мировые рекорды зверства, недаром вербует свои «кадры» из русской белогвардейщины: этой последней было очень легко усвоить фашистские «новшества». Русская буржуазия стремилась в самих трудящихся воспитать те свойства, которые ей были присущи,— и прежде всего циничное презрение к трудящемуся человеку, не в лицемерно завуалированной, а в грубо откровенной форме. Разумеется, бить надо было в первую очередь людей наиболее самостоятельных, независимых, проявляющих чувство собственного достоинства,— тем самым «хозяева» стремились забить этих людей до состояния рабской покорности или до дна, до босячества и таким образом обезвредить их, или же воспитать из них, как из наиболее толковых, хорошие кадры надсмотрщиков, хозяйские глаза и руки. Этот расчет был вполне осознанным, и поэтому битье было не случайной вспышкой злобы и жестокости, а обдуманной системой «воспитания».

Маленький Фома Гордеев был свидетелем следующей сцены: «матросы носили дрова, и один из них, молодой, кудрявый и веселый Ефим, проходя с

носилками по палубе парохода, громко и сердито говорил:

— Нет, уж это без всякой совести! Не было у меня такого уговора, чтоб дрова таскать. Матрос — ну, стало быть, дело твое ясно. А чтобы еще и дрова... спасибо! Это значит — драть с меня ту шкуру, которой я не продал... Это уж без совести! Ишь ты, какой мастер соки-то из людей выжимать!

Мальчик слушал эту воркотню и знал, что дело касается его отца. Он видел, что хотя Ефим ворчит, но на носилках у него дров больше, чем у других, и ходит он быстрее. Никто из матросов не откликнулся на воркотню Ефима...»

«Воркотня» дошла до ушей «хозяина», Игната Гордеева:

«— Про что говоришь? .

— Говорю, стало быть, как умею... — запинаясь, ответил Ефим. — Уговора, мол, не было... чтоб молчать мне...

— А кто это кровь сосать будет? — поглаживая бороду, спросил Игнат.

Матрос, поняв, что попался и увернуться некуда, бросил из рук полено, вытер ладони о штаны и, глядя прямо в лицо Игната, смело сказал:

— А разве не правда моя? Не сосешь ты...

— Я?

— Ты!

Фома видел, как отец взмахнул рукой,— раздался какой-то лязг, и матрос тяжело упал на дрова. Он тотчас же поднялся и стал молча работать... На белую кору березовых дров капала кровь из его разбитого лица, он вытирал ее рукавом рубахи, смотрел на рукав и, вздыхая, молчал. А когда он шел с носилками мимо Фомы, на лице его, у переносья, дрожали две большие мутные слезы, и мальчик видел их...»

Веселый и умный молодой матрос, лучший работник, смелый, с развитым чувством человеческого достоинства — именно потому, что Ефим обладает этими качествами, для читателя особенно омерзителен этот лязг удара, разбивающего лицо. Но как раз потому, что человек обладает человеческими качествами, его и надо бить, с точки зрения Игната Гордеева. Игнат вовсе не рассердился, не обиделся на Ефима — обидеться на него он и не мог, как нельзя обижаться на скотину. Суть дела в том, что он «ценит» Ефима и поэтому «воспитывает» его. Фоме, которому жаль матроса, Игнат читает нравоучение:

— Жалеть его — не за что. Зря орал, ну и получил, сколько следовало... Я его знаю: он — парень хороший, усердный, здоровый — и — неглуп. А рассу-

ждать,— не его дело: рассуждать я могу, потому что я — хозяин... А Ефимку жалеть нечего... Вот я посмотрю недельку время, да и к штурвалу его поставлю... А там, гляди, лоцманом будет... И если капитаном его сделать — ловкий будет капитан! Вот как люди-то растут».

Так и «росли люди» — иные «вырастали» в холуев и надсмотрщиков, другие становились покорными рабами, третьи босяками, но четвертые — борцами с буржуазным скотством. Все эти пути раскрыл перед нами Горький.

В нравовании Игната своему сыну дана классическая по своей простоте и выразительности формула отношения «хозяев» к работникам, выражена суть буржуазного «воспитания». Сначала выбить из человека все человеческое, в том числе способность «рассуждать», а потом выращивать из него квалифицированного холуя — такова была система у наиболее умных, дальновидных и по-своему «бережливо» относившихся к своим «кадрам» хозяев русской жизни. А у большинства не было и этого: забивали людей на смерть, губили и калечили жизни просто от скуки, от озорства, от равнодушия, просто потому, что «так заведе-

но», а дорожить людьми нечего — «Мужика много»!

Презрение к человеку внушала буржуазия людям и, несомненно, заражала самих трудящихся своим, буржуазным отношением к человеку. Медленный, постоянный яд, которым отравляла буржуазия сознание людей, та грязь капиталистического общества, от которой, по словам Маркса, пролетариат может очиститься только в революции, выражалась прежде всего в том, что у человека стремились вытравить понимание его человеческой ценности, уважение к себе и другим. Десятки тысяч проводников буржуазной идеологии и на практике и «теоретически» вели соответствующую «воспитательную» работу. Если дофашистская буржуазия на Западе пыталась замазывать истину, то российские «хозяева» цинично внушали труженнику презрение к самому себе. В рассказе «Пожар» Горький изобразил главного «умника» городской слободки, лавочника Братягина, вокруг которого собирается по вечерам народ послушать «умного человека». Что же он внушает людям?

«— Живете вы, как свиньи бестолковые, в грязи, в безобразиях, чешетесь

обо что попало. И ежели подохнете все сразу — никакого убытка Россия не потерпит.

С ним соглашаются:

— Верно, не потерпит...

— Кто вы такие для бога?

— Н-да... Не жалко нас господу.

— А за что вас жалеть?

— Конечно... Куда уж...

— То-то вот! Знаю я вас!

Он такой плотный, Братягин, люди чувствуют, что его презрение к ним непоборимо; все они не любят лавочника, но уважают и боятся его ума».

Горький дал много сцен, подобных этой, в которых разворачивалась свиная философия буржуазии, ее «непоборимое» презрение к людям. Растлитель малолетних, покупающий за гривенник женщин, которые приходят к нему просить о кредите, живое воплощение буржуазного свинства, Братягин, как и Василий Семенов и десятки других «хозяев», выхрюкивает свое презрение к людям и заражает их этим презрением.

Всем своим творчеством Горький стремился внушить массе трудящихся сознание ее ценности и силы, и в первую очередь ценности ее труда. Он боролся с равнодушно-циничным, нигилистическим отношением к своему тру-

ду, к своей личности и к личности товарища. Самое творчество Горького являлось выражением того факта, что в массе трудящихся уже выросло и оформилось возмущение против капиталистического свинства. Горький с беспощадной правдивостью показывал, что буржуазная зараза проникла в массу самих трудящихся. Все творчество его в целом есть проявление борьбы рабочего класса с буржуазными влияниями на трудящихся, борьбы за человека, за его высокую ценность.

Страна, славившаяся дешевой и знойной человека, стала страной, знаменитой тем, что человек в ней признан самой дорогой из всех ценностей. Великий вождь этой страны в своей речи, которая в веках будет звучать, как самая прекрасная поэма о возрождении человека, говорил о том, что и в нашей стране остались еще пережитки буржуазно-скотского отношения к человеку, и призывал к упорной борьбе с этими пережитками.

«Я вспоминаю — говорил товарищ Сталин — случай в Сибири, где я был одно время в ссылке. Дело было весной, во время половодья. Человек тридцать ушло на реку ловить лес, унесенный разбушевавшейся громадной рекой. К вечеру вернулись они в деревню,

но без одного товарища. На вопрос о том, где же тридцатый, они равнодушно ответили, что тридцатый «остался там». На мой вопрос: «как же так, остался?» — они с тем же равнодушием ответили: «чего-ж там еще спрашивать, утонул, стало-быть». И тут же один из них стал торопиться куда-то, заявив, что «надо-бы пойти кобылу напоить». На мой упрек, что они скотину жалеют больше, чем людей, один из них ответил при общем одобрении остальных: «Что-ж нам жалеть их, людей-то? Людей мы всегда сделать можем. А вот кобылу... попробуй-ка сделать кобылу...» Вот вам штрих, может быть, малозначительный, но очень характерный. Мне кажется, что равнодушное отношение некоторых наших руководителей к людям, к кадрам и неумение ценить людей является пережитком того странного отношения людей к людям, которое сказалось в только что рассказанном эпизоде в далекой Сибири». (Речь товарища Сталина на выпуске академиков Красной армии 4 мая 1935 года; Партиздат ЦК ВКП(б), 1935.)

И здесь мы опять встречаемся с тем, как перекликаются мысли и чувства вождя и учителя трудового человечества и его художника. Сталин в те далекие годы уже стоял во главе людей,

объединенных великой любовью к трудящимся и ненавистью к тем, кто стремился превратить человека в скотину. Горький в те годы испытывал эти же чувства и, прислушиваясь к голосу вождей народа, загнанных в ссылки и тюрьмы, гениальной своей кистью рисовал огромное полотно, которое можно было бы назвать: человек и капитализм, если бы эта картина одновременно не выражала и мечту о завтрашнем счастье людей, если бы в ней не разворачивалась тема о человеке и социализме.

Жестоко-равнодушное отношение к человеку, проникавшее в массу трудящихся, Горький показал не как извечно присущую человеческой природе жестокость и страсть к мучительству (именно этим объясняли жестокость и Достоевский, и ряд других писателей). Горький дал реальное объяснение этой жестокости, поставив ее в связь с сущностью капиталистического общества и с буржуазными влияниями на трудящихся.

Если вспомнить все горьковское творчество в том его разрезе, о котором идет у нас речь,— отношение к человеку в прошлой — такой недавней! — России,— в памяти встанут страшные картины, зазвучат страшные слова. «Сквозь

шум порою доходят до сердца, навсегда укрепляясь в памяти, какие-то особенно жуткие слова:

— Одного всем сразу нельзя бить, надо по очереди...

— Кто нас пожалеет, коли сами себя не жалеем...

— Али бог бабу на смех родил?» («В людях».)

Целая вереница картин встает в памяти, возбуждая яростную, непрощающую ненависть к «хозяевам», ко всей чудовищной вчерашней жизни России! Вот в окурочной тьме «пронзительно верещит тонкий голос девочки:

— Ой, ма-амонька, ой, рódная, ой, не бей меня по животику!

И — точно в землю ушел этот вопль». («Городок».)

Вот как забавляются человеком:

«На пароход взяли с берега вятского солдатика, костлявого, с маленькой головой и рыжими глазами. Помощник повара тотчас послал его резать кур; солдатик зарезал пару, а остальных распустил по палубе; пассажиры начали ловить их, — три курицы перелетели за борт. Тогда солдатик сел на дрова около кухни и горько заплакал.

— Ты что, дурак? — изумленно спросил его Смурый. — Разве солдаты плачут?

— Я — нестроевой роты, — тихонько сказал солдат.

Это погубило его, — через полчаса все люди на пароходе хохотали над ним. Солдат сначала не видел людей, не слышал их смеха... Но скоро его рыжие глаза гневно разгорелись, и он заговорил вятской сорочьей скороговоркой:

— Што вылупили шары-те на меня? Ой, да чтоб вас разорвало на кусочки...

Это еще более развеселило публику, солдата начали тыкать пальцами, дергать за рубаху, за фартук, играя с ним, точно с козлом, и так травили его до обеда, а пообедав, кто-то надел на ручку деревянной ложки кусок выжатого лимона и привязал его за спиной солдата к тесемкам его фартука: солдат идет, ложка болтается сзади него, все хохочут, а он суетится, как пойманный мышонок, не зная, что вызывает смех». («В людях».)

Дело кончается истерическим припадком затравленного вятича.

Купцы и приказчики из Гостиного развлекаются так:

«Если приезжий мужик спрашивал, как ближе пройти в то или иное место города, ему всегда указывали неверное направление, — это до такой степени вошло у всех в привычку, что уже не

доставляло удовольствия обманщикам. Поймав пару крыс, связывали их хвостами, пускали на дорогу и любовались тем, как они рвутся в разные стороны, кусают друг друга; а иногда обольют крысу керосином и зажгут ее. Навязывали на хвост собаке железное ведро; собака в диком испуге, с визгом и грохотом мчалась куда-то, люди смотрели и хохотали.

Было много подобных развлечений. Казалось, что все люди, деревенские в особенности, существуют исключительно для забав Гостиного двора. В отношении к человеку чувствовалось постоянное желание посмеяться над ним, сделать ему больно, неловко. И было странно, что книги, прочитанные мною, молчат об этом постоянном, напряженном стремлении людей издеваться друг над другом». («В людях».)

В иконописной мастерской «часто говорили: — Никто людей не жалеет, ни бог, ни сами себя... Но когда мы, я и Павел, вымыли изъеденного грязью и насекомыми умирающего Давидова, нас подняли на смех, снимали с себя рубахи, предлагая нам обыскать их, называли банщиками и вообще издевались так, как будто мы сделали что-то позорное и очень смешное». («В людях».)

Люди самых разных профессий, ха-

ракторов, привычек, уровней культурного развития, в самых разных положениях — все они, всегда своеобразно, индивидуально, выражают одну и ту же мысль:

«Нигде человек не стоит так дешево, как у нас в России».

«Жутко вспомнить, — подытоживал свои мысли о дешевизне человека Горький, — сколько хороших людей бестолково погибло на моем веку! Все люди изнашиваются и погибают, это естественно; но нигде они не изнашиваются так страшно быстро, как у нас на Руси...» («В людях».)

«В одном известном мне случае некто, наивный, с великой тоскою спросил ближних:

— Понимаете ли вы, что такое человек?

В ответ ему все люди насмешливо улыбнулись, хотя не все были идиотами». («О тараканах».)

«Я вот все думаю, как дешев человек в России! И как не нужен никому, ей богу!» — говорит проститутке в пьяную откровенную минуту чиновник из «Городка Окурова».

Если бы задаться целью выписать из произведений Горького все, что относится к теме о том, как дешев был че-

ловец в России,— пришлось бы занять этими выписками томы...

«Меня особенно сводило с ума отношение к женщине»,— вспоминал Горький... «Я смотрел на женщину, как на самое лучшее и значительное в жизни. В этом утверждала меня бабушка, ее рассказы о богородице и Василисе Премудрой, несчастная прачка Наталья и те сотни и тысячи замеченных мною взглядов, улыбок, которыми женщины, матери жизни, украшают ее, эту жизнь, бедную радостями, бедную любовью».

«Дети — живые цветы земли».

«Женщина — мать жизни».

Эти определения принадлежат Горькому. Горький посвятил самые сильные, самые скорбные и гневные свои страницы изображению того, как унижена, оскорблена женщина в волчьем мире капитализма, как смертельно обижены в нем дети. Рассказ «Женщина» прежде всего приходит на память, когда думаешь об этом могучем горьковском цикле. Это — образ ограбленного материнства, отнятого права на женственность. В рассказе изображена женщина-бродяга. Она мечтает о муже-товарище, с которым вместе можно было бы работать над воспитанием детей и над

украшением жизни на земле. Встреченного на пути туповатого парня, которого она пожалела, — «молодой, глупый, места своего в жизни не знает», — она уговаривает:

«— Жалко мне тебя, — молодой ты, сильный, а живешь зряшно, я и говорю: идем-ка со мной!

— Куда?

— На морской берег, там — я знаю — есть хорошие места! Ты гляди — вон какая земля здесь ласковая до человека, а там еще лучше...

— Врешь, поди...

— Тихонько, ты! А я женщина хорошая, я все умею, всякую работу, и заживем мы с тобой хорошо, тихо, на своем месте... я те деток нарожу-выкормлю... ты гляди, какая хорошая я, пощупай грудь-то...

Парень громко хрюкает...» Он ничего не хочет от нее, кроме того, чтобы она удовлетворила его вполне определенное желание. Когда же она твердо говорит ему: «Нет, не надо... силом не дамся» — он бьет ее в грудь и уходит... А потом она делится с рассказчиком, подсевшим к ней, своими мечтами о том, как она жила бы с хорошим мужем на новом месте. «Слова ее звучат все увереннее и крепче.

— Устроимся мы по хорошему-то, а

к нам еще люди подойдут, а мы уж старожилы, нам почет от них! Так — еще, да еще, и вот те новая деревня, хорошее место. Мужа, глядишь, в старосты выберут. Водила бы я его чисто, баринном... А в саду — дети играют, и беседка в саду-то выстроена... беда, как хорошо можно жить!»

Верный своему уменью рисовать такой пейзаж, который тесно связан с сущностью изображаемых человеческих мыслей и чувств, с самой сутью его произведений, Горький в «Женщине» всю природу претворяет в образ сильного, прекрасного материнства. Это помогает рассказчику с изумительным целомудрием рассказать о встреченной им женщине, о проведенной с нею ночи, о их близости...

«Я гляжу на грудь женщины, окропленную, как земля росой, каплями влаги, они краснеют, отражая солнечный луч, словно кровь выступила сквозь кожу. И моя радость быстро тает: почти до слез, до тоски, жалко эту грудь — я почему-то знаю, что бесплодно иссякнет живой ее сок». Через несколько лет рассказчик вновь встречается с этой женщиной: в тюрьме...

Образ женщины — хозяйки земли, матери жизни, с неукротимым желанием украсить жизнь, сделать ее счастли-

вой, с такой могучей любовью к людям, что ее хватило бы на все человечество: «Го-осподи, жалко всех... всю-то жизнь жалко, всю наскрозь, всех людей», с голодной тоской о труде, яростном, страстном труде,—образ русской трудовой женщины проходит через все творчество Горького. В рассказе «Женщина» он дан с концентрированной силой.

Русская литература создала немало прекрасных женских образов — Татьяна Ларина, «тургеневские», «некрасовские» женщины...

Сила всех этих образов объясняется их народностью. Народность их, конечно, глубоко различна. Некрасовские «величавые славянки», «женщины русских селений» народны по самой природе своей, это матери и бабки тех женщин, которые, по определению товарища Сталина, представляют сейчас «огромную силу» в наших колхозах. Татьяна Ларина и тургеневские женщины народны в том смысле, что создатели этих образов пытались беспочвенности дворянской интеллигенции, «лишним людям» противопоставить народную почвенность, органическую связь с родиной, наличие прочных корней. Их «мечтательные барышни» представали в качестве судей

«лишних людей». «Русский человек на randevу» держал социальный экзамен перед ними — и проваливался. Это был экзамен на жизненность, твердость, устойчивость, цельность, волю, мужество — все те качества, которыми обладает трудящийся человек, народ, и которые пропадают у всех «лишних людей». В женских образах и были сосредоточены эти качества...

Если мы говорим о тургеневских и некрасовских женщинах, то у нас есть полное право говорить о горьковских женщинах. Женские образы у Горького наполнены огромным, глубочайшим смыслом. В них сосредоточено то великое материнское, которое при капитализме втоптано в грязь и которое расцветает в мире социализма. Материнское, женственное у Горького имеет значение обобщенного символа человеческого счастья, единства человека с природой и братского единства трудовых людей всего мира, такого единства, когда все человечество превращается в одну великую семью, когда материнская забота о человеке определяет отношение общества к личности.

И вот эта великая сила женственности и материнства брошена в грязь тем самым «пьяным нищим», который

швыряется людьми, отдана на дикое поругание, на гнусную «забаву» всех, кому не лень «забавляться».

«Али бог бабу на смех родил?..»

Матвею Кожемякину «казалось иногда, что нагая женщина брошена среди улицы, а по чреву ее — чреву матери — тяжело топают грязными сапогами, растапывая нерожденные жизни, попирая нерассказанные сказки».

Капитализм, протитутуирующий женственность, получил в этом страшном образе достойную оценку. «Женщина — мать жизни» брошена капитализмом в ту грязную лужу, из которой вытаскивал Горький мать безногого мальчика Леньки. Это сам капитализм тяжело топает грязными сапогами по чреву матери, растапывая самый источник жизни, человечности, всей красоты и радости человеческой жизни на земле. В мировой литературе не было и нет более страшного и правдивого образа коренной, смертельной враждебности капитализма человеку, самой жизни человеческой.

Если много своих лучших сил великого художника-гуманиста — гнева, любви, суровой своей нежности — Горький отдал женщине, то, быть может, еще больше посвятил он себя детям. Лю-

бовь Горького к детям, поистине мучительную и великолепную любовь, можно сравнить с любовью к детям великого гуманиста-большевика — Феликса Дзержинского.

Мы знаем из воспоминаний о Горьком, что в дни, когда он писал о жестокостях и насилиях над человеком, он был хмурый, молчаливый, не смеялся. Горький сказал о себе, что ему еще в детстве как бы «содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой». («Детство».) Как же больно, наверное, было этому сердцу — сердцу Горького! — когда он должен был изображать мучения детей и женщин, когда он должен был воплощать страшные образы, мучившие его воображение, — вроде образа нагой женщины, по чреву которой топают грязными сапогами. Именно должен! Изображая страшное, «буднично-ужасное», то, что не могло не мучить читателя, Горький не раз подчеркивал: «Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и нельзя скрывать грозную правду...» («В людях».)

Изображая «буднично-ужасное», Горький, конечно, мучил прежде всего самого себя, — и ничто так не мучило его,

как страдания детей. Девочка, одна, думая, что ее никто не видит, баюкает куклу нежной песенкой и предлагает себя, когда с ней заговорили,— этот образ из рассказа «Девочка» имеет столь же обобщающее значение, как образ героини рассказа «Женщина». «Девочка» — сгусток детских образов горьковского творчества; тут и замученная Маша из повести «Трое», проданная «замуж» старику-садисту, тут и та безвестная девочка, которую мы знаем только по одной фразе: «Ой, ма-амонька, ой, родная, ой, не бей меня — по животику!», тут всевозможные мальчики «в ученьи», «в людях», тут Ленка из «Страсти-мордасти», мечтающий о «чистом поле»...

Мы знаем, что это не в Окурове только, а во всей России: «каждый день, в хлопотливой суете утра, в жаркой тишине полудня, в тихом шуме вечера, раздавался визг и плач — это били детей...» («Жизнь Матвея Кожемякина».)

Сколько замученных детей должен был изобразить Горький, с его сердцем, «невыносимо чутким» ко всякой, и прежде всего детской боли и обиде!

И когда мы читаем сейчас сообщения о том, что фашисты в своих застенках подвергают пытке детей испан-

ских трудящихся,— то всей нашей не-
павистью мы клянемся: будет день воз-
мездия мировому фашизму. Мы кля-
немся в том, что ни одна детская сле-
зинка не будет прощена истязателям
детей. Мы клянемся в этом перед гроб-
ницами Ленина, Феликса Дзержинского,
Горького.

Рисуя окурковский кошмар, в который
превратили Россию дворянские и бур-
жуазные «хозяева», Горький страстно
боролся с влиянием «хозяев» на народ.
Он дал немало образов развращенно-
сти человека грязью старой России,
полной опустошенности, жутковатого
нигилизма и беспредельного равноду-
шия ко всему. Особенно значителен в
этом смысле образ старика Маркуши
из «Жизни Матвея Кожемякина».

Маркуша много лет проповедует
полное безысходного мрака и тоски
учение о «долях», судьбинках, при-
ставленных к каждому человеку, кото-
рые «мотают и мотают» человека, как
хотят. Учение, темное, безнадежное,
но Маркуша внушал Кожемякину ува-
жение: «все человек знает, все объяс-
няет». И вдруг оказывается, что не че-
ловек это, а «пустое место». Оказы-

вается, ничему из того, что он проповедует, он сам не верит, а говорит все это из полного равнодушия к людям — только, чтобы отстали!

«А они не приставай, люди-то! У меня — своя душа, может, горше твоей плачет, да-а! А тут спрашивают — что это, это как? Ну, скажешь им: это вот что, а это вот как, а сам-от думаешь: подьте вы к лешему, не до вас! Так ли оно там, не так ли, скажешь им — ну, они отстанут. Царь я им, что ли? Кабы я царь, али святой был, я бы делом потешил, а я не царь — ну, будь и слову рад, да-а. Мне себя успокоить надобно, мне своя-то душа ближе... Черти есть? Есть. Отстань! А, может, нету их? Нет. Отстань! Вот-те, барынька, и весь разговор, — и есть — отстань, и нет — отстань!..»

Быть может, образ этого «проповедника», по существу, страшнее, чем все те картины унижения человека, которые прошли перед нами в горьковском творчестве. Тут перед нами человек, из которого выбито все живое, опустошенный, так сказать, начисто. Недаром не только интеллигентка, политическая ссыльная, постоялка в доме Матвея Кожемякина, но и сам Кожемякин, после того как раскрылся перед

ним «проповедник», чувствует себя потрясенным и подавленным.

«Усталый, подавленный, он сел на крыльцо, пытаясь понять то, что случилось.

— Вот, я его опасался, ставил особо среди людей, а он — пустое место!»

«Обидно очень» — говорит Кожемякин своей жилище. — «Бывало — слушаешь его, удивление такое в душе: все человек знает, все объясняет, а он — вон как, просто болтал...

— Вы не можете представить себе, — заговорила постоялка, точно жалуясь, как недавно Маркуша жаловался, — до чего это поразительно, — неверие его! Когда не верят образованные люди — знаете, есть и были такие — думаешь: ну, что ж? Хилые цветы! А ведь он — почва, он — народ... и не один десяток лет внушал людям то, во что не верил, это ужасно. Я не знала, что такие люди есть, а теперь мне кажется, что я видела их десятки, — таких, которые, говоря да и нет, говорят — отстань! Какой страшный внутренний разрыв человека с людьми, с миром! Все равно, что сказать людям, лишь бы оставили в покое — в каком покое? Среди образованных неверующие ни во что все-таки хоть в себя верили, в свою личность, в силу

своей воли,— а ведь этот себя не видит, не чувствует! вспомните, как он говорил о долях! Какое безмерное, глубочайшее и невозмутимое отчаяние,— вы понимаете?»

Важно подчеркнуть, что Горькому и Лев Николаевич Толстой представлялся не чем иным, как каким-то гениальным, чудовищно разросшимся Маркушей (речь идет, конечно, именно о Толстом-проповеднике).

«Это «нечто» лишь порою и намеками проскальзывало в его беседах,— писал Горький в очерке о Льве Толстом,— ...мне оно кажется чем-то вроде «отрицания всех утверждений» — глубочайшим и злейшим нигилизмом, который вырос на почве бесконечного, ничем не устранимого отчаяния и одиночества, вероятно, никем до этого человека не испытанного с такой страшной ясностью.

Он часто казался мне человеком непоколебимо — в глубине души своей — равнодушным к людям... Он слишком далеко ушел от них в некую пустыню и там, с величайшим напряжением всех сил духа своего, одиноко всматривается в «самое главное» — в смерть... Надо сунуть людям что-нибудь, что их удовлетворит, или займет их,— и ушли бы они прочь! Оставили

бы человека в привычном, мучительном, а иногда и уютном одиночестве перед бездонным омугом вопроса о «главном». Все русские проповедники... люди холодные... Когда я писал Луку в «На дне», я хотел изобразить вот именно эдакого старичка: его интересуют «всякие ответы», но не люди; неизбежно сталкиваясь с ними, он их утешает, но только для того, чтобы они не мешали ему жить. И вся философия, вся проповедь таких людей — милостыня, подаваемая ими со скрытой брезгливостью, и звучат под этой проповедью слова тоже нищие, жалобные:

— Отстаньте! Любите бога или ближнего и отстаньте. Проклинайте бога, любите дальнего и — отстаньте! Оставьте меня, ибо я человек и вот обречен смерти!.. — Он — человек, взыскующий бога не для себя, а для людей, дабы он его, человека, оставил в покое пустыни, избранной им... Несомненно, что Евангелие Толстого легче приемлемо, ибо оно более «по недугу» русского народа...»

В гениальном очерке о Толстом, являющемся одним из лучших художественных произведений Горького, отражена не только эта, пассивно-нигилистическая сторона Толстого. Порт-

рет Толстого, нарисованный Горьким, не только не затушевывает, а и подчеркивает противоречивые черты. Но эта сторона Толстого, создавшая толстовство, была глубоко ненавистна Горькому. Он показал корни толстовства в народе, он с подлинной образной конкретностью раскрыл, как связано толстовство с «недугом русского народа», с болезнью, которою заразили русский народ всевозможные «хозяева» типа лавочника Братягина, булочника Василия Семенова, Игната Гордеева и прочих. В образах Маркуши, Луки и других Горький показал нити, тянущиеся от этих «проповедников» к Льву Николаевичу Толстому. Толстовщина, с точки зрения Горького, и была итогом многовекового битья, в результате которого из человека выбивали все живое. Горький знал и бесстрашно обнажал все «недуги» и болезни народа, но Горький показал и изумительную талантливость русского трудового народа, ту мощь его, которою он сейчас, создав свое государство, поражает весь мир.

Страшной представала вчерашняя Россия в горьковских произведениях, но она же, униженная и поработанная мерзавцами родина наша, предста-

вала несказанно прекрасной в произведениях великого пролетарского писателя. Мы видели это уже в изумительных сценах героического трудового порыва, заставляющих читателя, вместе с Горьким, «благоговейно понять», каким богатством, какими могучими силами богата «человеческая земля». Уже одни эти горьковские сцены дают отличный ответ всем любителям поболтать на тему о «нации Обломовых».

Талантливость великого русского трудового народа, его могучие творческие силы никем из русских писателей не были изображены с такой полнотой, с какой предстают они в творчестве Горького. Эти силы прорываются сквозь страшную окурковскую тьму, ломают душные стены царско-буржуазной тюрьмы. С этой, осознающей себя в творчестве Горького силою русской демократии и связан тот образ «огромного человека», шагающего по земле («Мать»), который проходит через все творчество Горького, начиная с первых «босяцких» рассказов...

О «босяцком» цикле Горького до сих пор существуют неверные пред-

ставления, навеянные прошлой критикой, которая пыталась создать легенду о «ницшеанстве» раннего Горького.

Эти критики не понимали того факта, что пролетарский писатель по самой природе своей не может пройти мимо «дна» капиталистического общества, что его непрощающая ненависть к миру насилия и зверства проявляется в стремлении не давать спокойствия «хозяевам» жизни, тыкать их лицом в порождаемую ими грязь,— что он обязан перед трудящимися обнажать во всей полноте всю «подкладку» капиталистического общества. Они не понимали и того, что ранний Горький не мог на первых шагах своего творчества не заинтересоваться образами протестантов, не имеющих никаких связей с современным обществом, презирающих собственность, ненавидящих ложь и фальшь, способных к цельности, силе, непосредственности мыслей и чувств. Мало ли ценных, талантливых, умных и сильных людей из трудового народа отбрасывалось на «дно»? Разве мог художник, представитель огромной трудовой России, пройти мимо них? О «ницшеанстве» раннего Горького выгодно было распространять слухи тем, кто хотел иска-

зить облик писателя и оторвать его от пролетариата, от народа¹.

С самого начала своего творческого пути Горький был выразителем стремлений пролетариата — ему не приходилось перестраивать мировоззрение и психику в том смысле, в каком приходилось перестраивать их представителям мелкобуржуазной интеллигенции, примыкавшим к пролетариату.

Правда, в ранних рассказах Горького сказывалось то, что Горький в молодости не был непосредственно связан с передовой, индустриальной частью пролетариата, с крупными фабриками и заводами, — средой его молодых лет была не самая передовая часть рабочего класса: плотники, столяры, пекаря, рабочие мелких предприятий, сапожники, портные, их подручные и пр. Однако мы должны брать творчество писателя в целом, в его основных тенденциях, — основные же тенденции горьковского творчества ясно наметились уже в первых произведениях.

¹ Влияния буржуазной критики сказывались и в нашей критике, — в частности, автор этих строк допустил в свое время грубую ошибку в определении социальной природы горьковского творчества (доклад о пролетарской литературе на первом съезде пролетарских писателей в мае 1928 г.).

Ценность горьковского творчества в том, в частности, и состоит, что Горький выразил самый процесс осознания широкими слоями рабочего класса и примыкавшей к нему массы трудящихся — своих классовых, а тем самым и общечеловеческих задач и целей.

В произведениях Горького отражено, как развивается мысль многомиллионной народной массы — о себе, о труде, о «хозяевах», о правде, о том, почему так жестока жизнь. Мы видим, как порою труден этот процесс осознания, в какие иногда наивные формы он выливается. Замечательное своеобразие горьковского творчества проявляется в том, что Горький думает вместе со всей этой огромной массой, что он тоже проходил на своем жизненном пути те стадии развития, которые проходят многие его герои. В этом особая значительность, полновесность горьковского творчества. За Горьким поистине стоят миллионы.

Если, как раскрыл Ленин, значение творчества Толстого состоит в том, что оно является художественным документом, выразившим чаяния, ожидания и настроения массы крестьянства накануне русской буржуазно-демократической революции, то творчество Горького является художественным докумен-

том, отразившим, как шел процесс сплочения всех слоев рабочего класса и широких масс трудящихся вокруг большевиков — накануне социальной революции. Горький показал те силы, которые сделали революцию, он выразил их представление о характере революции, ничего общего не имевшее с меньшевистско-эсеровскими мечтаниями о буржуазной республике. Горький показал, насколько созрели трудящиеся массы России для того, чтобы сбросить всех «хозяев», — созрели для социалистической революции.

Процесс сплочения вокруг передовой части пролетариата широких трудовых масс шел противоречиво, но он побеждал, расширялся, укреплялся. Многомиллионная демократия зафиксировала, отлила этот процесс, сделала оттиск с него в художественных образах Горького. Творчество Горького в целом поднимается на ту идейную вышку, на которой находилось историческое руководство всем этим процессом. Но Горький сам явился участником и выразителем этого исторического процесса, проходившим свои, индивидуальные стадии развития. С этой точки зрения нужно подходить прежде всего к раннему периоду горьковского творчества.

«Босяки» Горького ничего общего не имеют с какими бы то ни было «ницшеанскими» тенденциями. Эти образы связаны с социалистическим гуманизмом Горького, выразившимся не только в скорби об униженном, выброшенном на «дно» человеке, но прежде всего в том, какие черты подчеркивал Горький в этих образах «босяков».

У этих людей нет никакой жалостливой покорности, приниженности, забитости, хотя забивали их неизмеримо больше, чем Башмачкиных и Девошкиных, за которых ратовали великие предшественники Горького. Горьковские босяки никого не боятся, они презирают трусость, у них развито чувство гордости, собственного достоинства, у них есть цельность чувств и мыслей, в них не развито стяжательство, они не придавлены тягой к собственности. Стоит внимательно присмотреться к этим образам, чтобы понять простой факт: в них ранний Горький выразил (как и в первом своем, юношеском романтически-условном рассказе «Макар Чудра») ненависть к миру хищников и грызунов, эти образы построены по закону отталкивания, противопоставления. В них выражены поиски той реальной силы, к которой тянется молодой Горький, но с которой он еще

конкретно не встретился, не связался.

Первый период горьковского творчества потому, в частности, и является романтическим, что образы его носят в большой мере условный характер. Мечта Горького о человеке еще не находит такой реальности, которая самой этой мечте придала бы реалистический характер, сделала бы реалистической горьковскую романтику. Но самые образы, при всей их условности, целиком связаны с основными тенденциями горьковского творчества. Горьковский гуманизм — не ходатайство за маленького, приниженного человека, — Горький борется за утверждение на земле сильного, смелого человека, протестанта и борца, человека, которому «тесно в рамках современности», как говорил он в письме о «Фоме Гордееве». И этого человека толкают на дно!

В. В. Воровский совершенно правильно писал о горьковских босяках, что «герои для автора представляют не реальную общественную ценность, а, так сказать, абстрактную ценность, как носители известных общественных качеств». Воровский указывал, что «Горький не нашел, или, по крайней мере, не изобразил в своих рассказах такой общественной силы, которая могла бы

воплотить излюбленные им нравственные качества. Причина этого, на мой взгляд, та, что сила эта только нарождается».

Воровский совершенно правильно сформулировал, что в образах «босяков» Горький лишь воплощал «излюбленные им нравственные качества», то есть свою мечту о человеке, и что это объяснялось тем, что ранний Горький еще не встретился с той «общественной силой», «которая могла бы воплотить излюбленные им нравственные качества».

Правда, В. В. Воровский, к сожалению, в другой своей статье под названием «Максим Горький» противоречит самому себе, заявляя, что весь рассматриваемый нами период деятельности М. Горького окрашен в цвет «анархического индивидуализма». Если и можно говорить об элементах идеализации «босяков», то как раз основная краска, окрашивавшая творчество Горького с самого начала, никак не была цветом «анархического индивидуализма». У своих босяков Горький подчеркивал не индивидуалистические черты, а черты товарищества, отсутствие мелкого, злобного эгоизма, черты смелости, силы, человечности,—вспомним хотя бы того же

Челкаша с его заботливостью о своем «подручном», с благородством его отношения к человеку. Идеализация босяков как раз и сказывалась в том, что Горький придавал им черты другой среды, другой общественной группы. Горький прекрасно понимал, что люмпен-пролетариат может быть оружием самой омерзительной реакции,—вспомним, что Орлов (из рассказа «Супруги Орловы»), только что проявивший прекраснейшие человеческие качества, самоотверженно работая санитаром в холерном бараке и увлекшись работой, мечтает о чем-нибудь «ярком»,—например, о том, чтобы «собрать шайку товарищей и жи-дов перебить». Красавец-босяк из «Городка Окурова» и в самом деле становится орудием черносотенной банды, как бы реализуя бандитские мечтания Орлова.

Таким образом, и об идеализации «босяков», которая, несомненно, имела место, следует все же говорить с большой осторожностью. Вообще, «босяцкий» цикл в творчестве Горького — очень тонкое и сложное явление. Мы видели, что в нем прежде всего проявился гуманизм, «поиски человека», как писал Воровский. Вместе с тем он был резким разрывом с существовав-

шими формами гуманизма. Ошеломленный какими-то совсем новыми, мажорными нотами, поразительным сверканием ярких, новых красок, либерально-народнический лагерь перепугался и, ничего не понимая в дерзком событии, каким явились ранние рассказы Горького, попытался свести их значение к «ницшеанству». Очень смущали этот лагерь рассказы вроде «Каина и Артема». Как же, помилуйте, Горький воспеваает грубый отказ от помощи «младшему брату» («друг мой, брат мой, усталый, страдающий брат»)! Это же ницшеанство! «Падающего толкни» — учил Ницше,— так и поступает силач босяк Артем, который сначала обещал помощь на всю жизнь несчастному, забитому Каину в благодарность за то, что тот выходил и вылечил избитого и брошенного всеми гиганта, а потом отказался от своего обещания. И Горький, мол, оправдывает этот поступок Артема!

Во-первых, ниоткуда не следует, что Горький оправдывает Артема. Горький просто дает художественную правду. А во-вторых, горьковский гуманизм с самого начала включал в себя борьбу со всеми проявлениями покорности, приниженности, смирения,— теми качествами, которые умиляли «кающих-

ся дворян» и народников. Горький как бы говорил: будьте сами сильными и смелыми, как романтические цыгане из «Макара Чудры», не поддавайтесь тем, кто унижает и оскорбляет вас! Правда, на этом раннем этапе творчества Горький еще не мог конкретно указать путей, по которым следует идти всем униженным и оскорбленным вроде Каина. Но уже тогда Горький начал свою историческую полемику с певцами смирения и покорности. Уже в его ранних рассказах были слышны шаги «огромного человека, идущего по земле»; ранние горьковские произведения были мощной увертюрой, в которой слышалось звучание новых величественных мелодий, новых гимнов, новых песен. Здесь звучала песня Буревестника, симптом зрелости народного гнева, протеста, возмущения.

Речь шла не об Антоне Горемыке, не об Акакии Акакиевиче. Речь шла об «огромном человеке», которому тесно в рамках современности. Пусть он завоеует свободу себе, пусть подражают ему униженные и оскорбленные,— когда он завоеует свободу себе, то он уж освободит и всех Башмачкиных и Каинов, всех униженных и оскорбленных.

Народники возмущались. Буржуазно-либеральные и черносотенные публици-

сты не могли найти более остроумного выхода своей злобе, чем отождествление Горького с его героями. Буржуазный пошляк Бердяев позволил себе назвать Горького хулиганом. Меньшевистские благопристойные критики вежливо упрекали Горького в том самом, в чем невежливо обвиняли его черносотенцы и либералы. И только большевики, в лице Воровского, смогли определить смысл «босяцкого» цикла, связав его с поисками человека.

С замечательной быстротой шел творческий рост Горького. Думая об этом росте и созревании великого писателя, невольно вспоминаешь былины и легенды о богатырях. Горький рос поистине, как народный богатырь. Очень скоро Горький понял, что то страшное порабощение человека капиталистическим трудом, всю тяжесть которого он чувствовал в свои детские и юношеские годы и выразил уже в «Челкаше»,— что это порабощение может быть уничтожено только самими людьми и труда. Только здесь, в их среде зреет подлинный протест против рабства. И тогда все усиливаются в горьковском творчестве те ноты, которые звучали уже в «Супругах Орловых»,— разоблачение всех форм паразитизма, в том числе и босяцкого. Так заканчи-

ваётся, вместе с подъёмом рабочего движения в стране, «босяцкий» цикл горьковского творчества и начинается победоносное шествие великого горьковского реализма. Сам народ, употребляя выражение Фейхтвангера, «обретает голос» в горьковских произведениях и рассказывает о себе. Прекрасная, великая трудовая Россия предстала перед читателем,— тем более прекрасная, чем более страшно пытались растоптать ее случайные, временные хозяева.

Так же, как в двух ликах предстает труд у Горького, точно так же в двух ликах предстает и сам народ в его творчестве.

Много сделано «хозяевами» для развращения и унижения русского трудового человека,— «не били меня, милого, только печкой, а об печку — сколько угодно!» — говорит сапожник Перфишка из повести «Трое». — «А хоть меня и били и кожу с меня лупили, и кровь сосали, и на пол бросали — русский человек живуч! Хоть толки его в ступе — он все на свое место вступит! Ха-ароший, крепкий человек».

Горький с наслаждением рисует все проявления в народной массе сознания своей ценности, уважения народа к самому себе. Здесь проявлялась одна из

важнейших черт творчества Горького — его глубокая патристичность, в лучшем, настоящем, социалистическом смысле этого слова. Великий стыд за искажение облика русского народа, гордость за народ, за его талантливость, вера в то, что он сметет все препоны, мешающие ему проявить свою творческую мощь, — эти чувства испытывают и затерянный в Окурове, одинокий и глубоко несчастный Матвей Кожемякин, и множество других, самых разных героев горьковского творчества. В дневнике Матвея Кожемякина мы находим следующую запись:

«Рассказывал сегодня Марк, как чужеземцы писали о русском народе в древности; один греческий царь сказал: «народы славянские столь дорожат своей честью и свободой, что их никаким способом нельзя уговорить повиноваться». Арабы тоже весьма похвально писали, норвежане и другие, все замечая, что, де, народ умный, трудолюбивый и смелый... Фридрих, царь немецкий, говорил, что «народ глуп, пьян, подозрителен и несчастен». А один иностранный посол написал своим, что «народ привык, де, к неволе, к низкому бесчеловечному раболепию перед теми, кто всего более делает ему зла». Другой, тоже посол, записал, что

«в народе русском самолюбия нет...»

И таких отписок, в древности похвальных,— семнадцать, а после, стыдных — двадцать две вынес я, со скорбью и обидой, на отдельный лист, а за чем — не знаю. Странно мне, что с хулителями и некоторые русские согласны... После этого разговора выпили мы с дядей Марком вина и домашнего пива, захмелели оба, пел он баском старинные песни, и опять выходило так, как будто два народа сочиняли их: один веселый и свободный, другой унылый, безрадостный. Пел он и плакал, и я тоже. Очень плакал, и не стыдно мне этого нисколько».

«Два разных народа», о которых говорит Матвей Кожемякин, два лика русского народа выступают в произведениях Горького не только в связи с проблемой труда, но и в самых различных связях, и прежде всего в связи с проблемой родины, отечества. Так же как отняты право на труд, радость труда — точно так же у народа отняты родина, радость любви к своему отечеству, к своей земле. Двойственность отношения народа к земле, к отечеству, выраженная в горьковском творчестве, ярко видна на следующем сопоставлении.

Горький неизменно подчеркивает, что

если у человека отнята радость труда, то и все окружающее не ценно, не дорого ему, чуждо для него. С постоянной болью гнева и возмущения пишет об этом Горький.

«Матвей знал, что вся городская молодежь болеет страстью к разрушению. Весною обламывали сирень, акацию и ветви цветущих яблонь; поспевала вишня, малина, овощи,—начиналось опустошение садов, оно шло все лето, вплоть до второго Спаса, когда хозяева снимали с обломанных деревьев остатки яблок, проклиная озорников и забыв, что в юности они сами делали то же... Дети, как и взрослые, производили впечатление людей, которые поселились в этом месте временно,—они ничего не любят тут, им ничего не жалко». («Жизнь Матвея Кожемякина».)

И вместе с этой болезнью разрушения, в которой Горький всегда рисует злобную радость мести кому-то за то, что у людей отнято счастье любви ко всем этим акациям, яблоням, вишням, сирени, ко всей прелести земли, к красоте своего города, своего села,—вместе с этим Горький показывает, как, несмотря ни на что, глубоко и прочно живет в народе чувство любви к родине, к России, как неожиданно проявля-

ется оно в различных, часто наивных и всегда прекрасных формах. Замечателен с этой точки зрения рассказ «Пожар».

Изображается в нем жизнь окраинной улицы провинциального города, населенной «мастеровщиной»: скорняки, жестяники, столяры, портные. Улица на редкость нелепая, неудобная, она круто спускается с горы к реке, ездить по ней нельзя: «даже пустые телеги сами собою катились вниз, подпирая лошадей», вымощена улица, «точно на смех», неровно, крупным булыжником. «Все доможителы не любили свою улицу: земля под окнами домов была заплескана камнями, засорена разной дрянью». Из обитателей улицы выделяются трое: уже известный нам «умный человек» лавочник Братягин, печник Чмырев и чахоточный юноша Коля Яшин. «Печник Чмырев и Коля Яшин служили улице для забавы и осмеяния». Над Яшиным издевались за чистоту, за трезвость, за чахоточность. Чмырев же — с точки зрения улицы — чуждак, и, следовательно, достоин осмеяния. Он главный противник и оппонент Братягина. Неграмотный, он испытывает затруднения в спорах с лавочником, но это не мешает ему упорно противопоставлять свинской философии лавочника свою, человеческую. Он

спорит с Братягиным, доказывая, что человек — не свинья. У него есть свое, крепкое представление о человеке и его обязанностях, его достоинстве, выражаемое им в словах трудных и корявых. В каждом таком разговоре, в каждом споре с лавочником он выдвигает главную свою тему — «строение». Что именно понимает он под этим, мы можем угадывать по таким его фразам: «Дела надо делать прочно, надолго, — любил он говорить, — мы на земле не одни живем...

Его спрашивали:

— А кто еще, кроме нас?

— Чай, не все сразу порем...

— Экий чудак! — удивлялись жители».

«Если люди домыслят — что есть строение... ежели кирпич правильно положен — крепко лежит» — силится Чмырев высказать свою главную мысль. «Кто строит — тот и стбит» — эта его поговорка приближает нас к пониманию Чмырева. Он хочет, чтобы люди дружно и радостно работали друг для друга, чтобы они строили свое человеческое «строение» прочно, любовно, чтобы те, кто строит, уважали сами себя и друг друга.

«Смешной особенностью печника было наянливое стремление внушить лю-

дям любовь к чистоте, благообразию, порядку. Это заметили за ним давно: однажды весенние потоки, выворотив булыжник съезда, вымыли на нем глубокие ямы,—печник тотчас же стал учить доможителей:

— Вы ба забили ямы-те мусором, а то сами жа пьяные ноги ломать будитё...

Он говорил об этом несколько раз, на смех людям, и, наконец, утром воскресного дня сам начал поправлять мостовую: наносил мешком мусора, песку, уложил булыжники и утрамбовал. Смешно и досадно было смотреть, как он возится с этим делом на пользу Городской управы, и много глумились над ним. Тогда и было замечено, что он — чудака».

Конечно, Чмырев — «чудака», он противоречит себе. Никто не ненавидит злосчастную улицу сильнее Чмырева. Главная тема его разговоров со своим другом Колей Яшиным — безобразие улицы, нелюбовь к ней.

«Вся эта улица наша — ни к чему, сгореть бы ей до тла!.. То есть — до чего я не люблю улицу эту, сказать не могу!.. Грязища, пьянство, распутство, ни тебе дети — при уходе, ни старики — в чести. А бабы? Дотронуться нельзя! Всякая гуляющая аккуратней живет, чище держит себя... положим — у

наших баб работа, а те... ну, все-таки жа! Надо жа себя маленько уважать... а то — в деревнях лучше живут! Там, брат, все-таки...

Подумав, он добавляет:

— Там немного жалости есть друг к другу...

— Здесь — не жалеют, — соглашается Коля. — Надо мной — смеются, над вами — тоже...

— Эх, не уважаю эту улицу, гори она до тла!

— И я не люблю, — снова соглашается Коля».

Утрамбовывать мостовую на ненавистной улице — несомненно, означает впадать в противоречие с самим собою. Но в еще большее противоречие впадают два друга, Чмырев и Коля Яшин, в следующих обстоятельствах. На улице вдруг в самом деле вспыхивает пожар. Сперва, когда загорелся первый дом, обитатели только потешались. Но потом запылали сразу три дома, огонь перекинулся на лавку Братягина — вообще дело оказалось отнюдь не шуточным. Как будто бы исполняется мечта Чмырева и Яшина! Но они оказываются единственными, кто всерьез работает над тушением пожара. Работают оба героически, спасая жизни людей, в награду за что Чмырева из-

бывает сначала городской, потом какой-то барин. В горячке работы, возбужденный ею, бессонной ночью, сумятицей, печник говорит Коле:

«— Н-да.. ругали мы с тобой, ругали эту улицу и все... а как случился пожар... Замечательно».

Кончается рассказ тем, что оба друга, до изнеможения уставшие от своей героической, по существу, работы, отдыхают на пепелище улицы, от которой осталось всего пять домов. Чмырев избит, у Яшина пошла горлом кровь.

«Чмырев сунул в рот себе пальцы, ощупывая зубы. Серыми столбами вздымался дым и пар, в небе тяжело двигались первые осенние тучи, угрожая проливным дождем. Черные мокрые угли плотно вымостили землю, всюду трепетал и злился побежденный огонь.

— Ах, господи,— воскликнул печник, вынув пальцы изо рта и вытерев губы подолом изорванной рубахи.— Не свои люди на земле... И— вообще не то все... Не так нада...

— Да,— согласился Коля.

Кровь все еще шла изо рта у него, он сидел, согнувшись, подпирая голову ладонями, пристально глядя, как на утопанной земле растекается алое пятно и меркнет тихонько.

В щель съезда опустился липкий, ед-

кий чад — оттого и вода реки казалась такой небывало синей...»

В этом рассказе выражено противоречие между стремлениями лучших людей народа любить свою улицу, свой город, свою родину, строить ее, защищать, украшать и улучшать — и тем фактом, что родины-то нет, она отнята, она — чужая, не своя, и человек — не свой на земле. Кому нужны героические усилия Чмырева, кому нужна, к примеру, его «смешная и досадная» забота о мостовой, о том, чтобы люди не ломали на ней ноги? Кто поблагодарит его за все это? Награда ему — та, что всякий, кому не лень, из «начальства» («деятели», как называет городского Чмырев) бьет его по физиономии.

А сколько таких Чмыревых было в России, сколько знал их и изобразил в своих произведениях Горький! Отставной солдат Пушкарев, с его жаждой работы для родины, для России: «Что такое Рассея — знаешь? — Ей конца нет, Рассеи: овраги, болота, степи, пески — надо все это устроить, бегов кум? Ей — все нужно, я знаю, я ее скрозь прошел, в ней работы на двести лет накоплено. Вот и работай, и приводи ее в порядок» («Жизнь Матвея Кожемякина»); парходный повар Смурый,

первый прекрасный воспитатель и друг Горького, с его пестрой библиотекой, которую он возит с собой, с его страстной жадной познания, мечтами о «настоящих книгах», которые могут научить тому, как надо изменять жизнь; измученные каторжной работой мастеровые из иконописной мастерской, с жадным, благоговейным наслаждением слушающие музыку пушкинского стиха, галерея горьковских женщин, портной — «эдакий худущий, с резаной щекой, подкидыш, с Петуховой горки, Прачкин прозвищем», который в городке Окурове предлагает устроить «всеобщий заговор яротив жестокого обращения с людьми», — сколько таких людей, подлинных сынов и дочерей великого русского народа, проходит перед нами в горьковском творчестве!

Всем своим творчеством Горький обосновал свое предвидение, которое он вложил в уста одного из персонажей «Матери»: «Какие хорошие люди, Ниловна! Я говорю о молодых рабочих — крепкие, чуткие, полные жажды все понять. Смотришь на них и видишь — Россия будет самой яркой демократией земли!..»

Горький мог так уверенно предсказать будущее своей родины, потому что он хорошо знал ее народ. Его не

могла смутить клевета на народ, распространяемая различными паразитами из числа «хозяев», вроде той, которую излагает черносотенный офицер из рассказа «Жалобы» (жалобы — на народ):

«Весь русский народ — нигилист, — резко? Верно-о. Он ни во что не верит. Он — в воздухе висит, народ этот. Он? Самый противогосударственный материал, и никакого чорта из него не сделаешь, хоть лопни. Дресва. Рыхлое что-то, навеки и век века — рыхлое».

Горький знал, что в такого рода оценках есть только частица правды, а неполная правда не отличается от лжи. Он знал, что это «недуги», болезни, которыми заражали народ «хозяева», что существо его — здоровое, творческое, необъятно богатое и «фантастически-талантливое». «Жалуются» же на народ те, кто чужды ему, кто паразитирует за счет его силы. В рассказе «Жалобы» проходит перед читателем серия таких «жалобщиков», — очень доволен народом некий фабрикант: как же, очень много развелось в народе беспокойных людей, которым до всего есть дело! Обидел его на всю жизнь столяр Ефим.

«Подкатился к нему сынишка мой — он у меня в креслице ездит по случаю слабых ножек — Ефим ласково пого-

ворил с ним... н-да, а тут супруга моя подошла... я, видите, на второй женат, шестой год живем. Сейчас этот вззрился на нее, ощупал глазами — а глаза у него эдакие пристальные, хотя и кроткого взгляда.

— Супруга ваша? — спрашивает.

— Именно, мол.

— Молоденька для вас.

— Молодая-то лучше, сам знаешь.

— Это для кого же, спрашивает, лучше?

— А для меня...

— Так. А вот, — говорит, — для сына — лучше?

Что такое? Заинтересовался я этими его словами, расспрашиваю, а он мне без всякого сомнения и доложил, что хотя молодая женщина и приятна, но сын мой лишен ног по причине несоответствия моего возраста жениному. Несоответствие, действительно верно, есть: мне, видите, пятьдесят четыре года, а ей двадцать два, и взял я ее шестнадцати. Но — разве это редкость? И кому до этого дело, окромя меня да ее? Поразил он меня, однако, этими словами, я хоть виду и не показываю, но рассердился, а жена, по глупому любопытству, вытаращилась на него. Я, конечно, посмеиваюсь, а он... трясет своей бороденкой, на куриий

хвост схожей, и все гвоздит: вот, говорит, вы, хозяйева, живете в свое удовольствие, достигая для себя всего, чего вам хочется, а про государство, про Россию кто из вас думает?

— Подожди, как это ты до государства махнул?

— А очень просто,— говорит.— Вы где живете — в России. От кого всем пользуетесь? От России. А что ей даете? Вот — даже и ребеночек у вас уродец, по жадности вашей... А коли и здоровый он родится — воспитать, добру научить не умеете.

Тут я, знаете, вспылел.

— Ты,— говорю,— кто?

А он — ничего, спокойно так, учительно и досадно все свое толкует:

— Если-де я вижу что вредное, али не честное — должен на это указать...

— Да кто тебя слушать станет?

— Сто человек не услышат — сто первому скажу...

И лицо у него упрямое эдакое, как топор, примерно».

Рассказчик дополнительно сообщает о людях типа столяра Ефима, что «они, видите ли, по наружности кротки, а внутри у него кремни насыпаны...»

Вся страна кишит такими людьми, как столяр Ефим, печник Чмырев, по-

вар Смурый,— вот что показывает Горький в своих произведениях. Эти люди и суть представители подлинной России, ее настоящие хозяева. «Жалобщики» на народ своими рассказами о нем побивают сами себя: в «Жалобах» офицер жалуется на непатриотичность русского народа, проявленную во время русско-японской войны, на то, что ему, народу русскому, наплевать на все, что касается России,— а другой «жалобщик» побивает первого жалобой на столяра, который упрекает «хозяев» в том, что им наплевать на Россию. Первый «жалобщик» жалуется на то, что русский народ — «дресва», «труха», а второй жалуется на другое: на то, что это они «по наружности кротки, а внутри у них — кремни».

Столяра Ефима можно упрятать в тюрьму,— что и делает обиженный на него «хозяин»,— избить, выгнать, унижить, даже просто убить, если уж очень беспокоен. Но все-таки подлинный хозяин всей страны, кому она дорога, кто думает о ней с сыновней любовью,— это он, столяр, слесарь, токарь, печник, машинист, пекарь, матрос — великая русская демократия. Чувство любви к своему народу, к родине так прочно и глубоко в самых широких слоях трудовой массы, что даже

потерявший человеческий облик, выброшенный на «дно», «бывший человек» из народа сохраняет это чувство. В рассказе «Бывшие люди» Горький изображает «бывших мужиков», которые отличались от прочих «босяков» тем, что «являлись более цельными людьми, не так страшно изломанными», потому что «всегда порочный человек из города неизмеримо гаже и грязнее порочного человека деревни» (кстати — к сведению тех, кто почему-то находит у Горького «нелюбовь к мужику»). «Видным представителем бывших мужиков являлся старик-тряпичник Тяпа». Тяпа спорит с другим босяком, бывшим учителем: «Народ русский не может исчезнуть... Ты народ-то знаешь — какой он? Он — огромный... Сколько деревень на земле! Все народ там живет, — настоящий, большой народ. А ты говоришь — вымрет... Народ не может умереть...» (Любопытно, что эти же мысли, почти в тех же выражениях, но уже от своего имени, излагал Горький в приветственной телеграмме Коцюбинскому.)

«Настоящий, большой» народ жил на русской земле, и ему не давали жить случайные людишки, которым было в высокой степени наплевать и на народ и на Россию, — люди без родины, без

племени, без корней, лишенные не то что патриотизма, а и какого бы то ни было намека на национальное достоинство! Они представляли собою тех самых окурских людишек, которые не желали знать ничего, что не относится к Окурову. Когда окурковский немец, земский начальник Штрехель, в присутствии которого кто-то робко поругивал немецких генералов, находившихся на русской службе, «пожелтев от гнева, крикнул голове и Кожемякину:

— А я вам скажу, что без немцев вы были бы грязными татарами! И впредь прошу покорно при мне...» — то войсковой начальник Покивайко «встал пред ним и сладостно завопил:

— Да сердце ж вы мое! Боже мой милый! Немцы, татары, або мордованы — да не все ли равно нам, окуровцам? Разве мы так-таки уж и не имеем своего поля? А ну-те, пожалуйста, прошу...

И осторожно отвел желчного Штрехеля за карточный стол».

Даже тряпичник, босяк Тяпá, «бывший мѹжик», обладает несравненно бóльшим чувством национального достоинства, чем «хозяева» вчерашней русской жизни, были ли они чиновниками, помещиками, фабрикантами, купцами или буржуазными интеллигента-

ми: Горький показал, что любовь к родине, подлинный патриотизм были свойственны широким слоям русской демократии. В таких горьковских образах, как Чмырев, Пушкарев и ряд других, мы видим ту трудовую Россию, от имени которой Ленин сказал свои знаменитые слова: «Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты» (т. XVIII, стр. 81).

Рабочий класс и его руководители — большевики выявили, сделали целостным и осознанным и воспитали то чувство «национальной гордости»; о котором писал Ленин. В наши сталинские дни это чувство развернулось в осознанную и страстную любовь к своей социалистической родине десятков миллионов трудящихся.

Горький и в этом вопросе о национальной гордости, о патриотизме отображал на языке художественных образов то, что Ленин раскрывал на языке теории и политики, — неспособность буржуазии быть гегемоном в русской буржуазно-демократической революции. Какой же это «гегемон», который не может выступить в качестве представителя национального самосознания народа, который в лице наиболее «пе-

редовой» своей партии — кадетов — только и мечтает, что о закулисных сделках с открытыми предателями и изменниками отечества, со всеми этими малыми и большими начальниками Покивайко (явно щедринская фамилия!). «Программа-максимум» этого «гегемона», выраженная в словах Алексея Артамонова: «чтобы чиновники были свои», — и была программой «передовой» буржуазной партии — кадетов. Меньшевики, мечтавшие о гегемонии в русской революции Алексеев Артамоновых и Тарасов Маякиных, выступали уже тогда, накануне первой революции, как изменники и предатели родины. Они, в том числе и троцкистская агентура буржуазии, бывшая тогда наиболее подлой разновидностью меньшевизма, не видели и не желали видеть народа, не верили и не желали верить в него, в великую творческую силу русского рабочего класса и руководимого им крестьянства. Они хотели изолировать пролетариат и поставить его на колени перед Алексеем Артамоновым, как будто это был не великий класс — руководитель всей великой демократии, — а секта отверженных, способная только или на защиту своих шкурных интересов, или на авантюры вроде про-

вокационного троцкистского лозунга «рабочего правительства», которое, по троцкистской программе, должно было вступить в войну с крестьянством. На деле это троцкистское «рабочее правительство» могло быть только меньшевистским комитетом, созданным специально для того, чтобы отдать страну на разграбление отечественным и иностранным буржуазным бандитам и колонизаторам.

Мечтая о равенстве народов в будущей России, с любовной теплотой изображая представителей разных народов, живших на территории царской империи, Горький мечтал о том времени, когда народы «влюбятся» друг в друга,— это будет влюбленность в различные виды той талантливости, обаятельности, какая присуща каждому народу. В произведениях Горького очень много портретов трудовых людей разных национальностей — украинцы, грузины, армяне, турки, татары, евреи, чуваша, цыгане и т. д., и Горький всегда любовно и тонко подчеркивает черты национального своеобразия в этих портретах. Великий русский писатель, он был и писателем всех народов, живших на территории России, как и писателем всего трудящегося человечества. Он никогда не

мог бы им быть, если бы не был страстным патриотом своего народа. Многие писатели этой эпохи были глубоко равнодушны к судьбам России и ее народа, о чем не раз говорил им в лицо Горький.

У русского пролетария, как и у пролетариев всего мира, не было отечества. Оно было отнято, похищено. Но мечта о своем отечестве, о родине, которую можно было бы любить без всякого раздвоения, страстно жила в народе, и Горький со всей силой выразил ее. Горький жадно отмечал все проявления любви к родине, к родной земле.

«Вспомнился мне человек на пристани Пьяного Бора на Каме, высокий, русский молодец с лицом озорника и хитрыми глазами. Было воскресенье, жаркий праздничный день, когда все с земли смотрит на солнце своей лучшей стороной и точно говорит ему, что недаром оно потратило светлую силу, живое золото свое... Человек улыбался, все хмельней становилась улыбка молодого — в темной бородке — лица, все ярче разгоралось оно радостью, и вдруг, сорвав картуз с головы, парень с сильным размахом шлепнул его в воду золотой реки и закричал:

— Эх, Кама-матушка родная, — люблю! Не сдам...

...Много видел я хорошего».

Горький, изобразивший страшную Россию, погруженную в окурившую тьму, видевший и испытывавший столько ужасного, говорил, что он «видел много хорошего» в своей стране. Не было ни одного писателя в великой русской литературе, который с такой силой восхищения изобразил величие народа, и с такой мощью ненависти и презрения все виды отщепенства от народа. В этом отношении наиболее значительным произведением Горького является, быть может, самое гениальное из всех его творений — «Жизнь Клима Самгина».

Распространен взгляд, что «Клим Самгин» — это произведение на тему о ренегатстве, предательстве и подлости русской буржуазной интеллигенции. Это, конечно, верно, но это только часть дела, и не самая важная. «Клим Самгин» — это произведение на тему о величии русского трудового народа, русского рабочего класса и его партии, и о презренности всякого отщепенства от народа. Это роман о народе и его истинных вождях (типа большевика Куту-

зова) и об отщепенцах от народа. Самая проблема интеллигенции всегда интересовала Горького именно с этой стороны. Изображая в таких произведениях, как «Дети солнца», одно из проклятий капиталистического мира — разрыв между физическим и умственным трудом, Горький рисует честных, преданных науке представителей интеллигенции — и вместе с тем показывает их невероятную слабость, беспочвенность, чудовищную оторванность от жизни и от народа. Но Горький прекрасно видел, что, наряду с несчастными, слабыми, но честными по-своему интеллигентами, «детьми солнца», как иронически называет он их, — есть буржуазная интеллигенция, которой, в сущности, с высокого дерева наплевать на какую бы то ни было науку. Это — отщепенцы от народа, дачники. Об этих отщепенцах говорит один из героев пьесы «Дачники»:

Маленькие, нудные людишки
Ходят по земле моей отчизны...
Ходят и все жалуются, стонут,
Серенькие трусы и лгуны...

«Трусы и лгуны» бывают способны и на бешеную злобу. «Механизм» перехода от трусости к бешенству, к звериной озлобленности превосходно раскрывает-

ся Горьким в изображении Клим Самгина. Внутренне совершенно пустой и холодный человек, «Смертяшкин», употребляя горьковское определение интеллигентов ренегатско-мародерского типа, Клим впутывается в революционные дела. Его начинают считать чуть ли не серьезным революционером, едва ли не причастным к революционному руководству. Но Клим, в сущности, жалкий трус, он отчаянно боится и революции и народа. Единственное, что по-настоящему тянет его к себе,— это спокойная жизнь в условиях «спокойного» буржуазного общества. Вне «нормальных» капиталистических условий Клим не может существовать.

Когда он чувствует, что ему и всему буржуазному миру, агентом которого он является, реально угрожает революция,— он начинает испытывать звериную злобу и к революции и к народу.

Революция интересует его постольку, поскольку он надеется «возглавить» ее, то есть использовать в целях сохранения основ буржуазного мира. Клим почти буквально формулирует (для себя, конечно!) эту мысль. Всякий раз, как революция обнаруживает свою подлинную сущность, Самгин начинает звериной ненавистью ненавидеть ее и тех, кто ее представляет и выражает. В дни

революции 1905 года «Самгин чувствовал, что действительность становится все более враждебной и отталкивает, выжимает его в сторону, вычеркивая из жизни».

На каждом этапе углубления революции Самгина не могут не испытывать этих чувств, которые и определяют переход трусости в бешеную злобу.

Образ Клим Самгина, несомненно, имеет мировое значение. Вместе с тем, он имеет и глубокий интерес с точки зрения своеобразия классовой борьбы в России.

Русская буржуазия с ее презрением к народу и диким страхом перед ним, чувствуя грозную неизбежность катастрофы, приближение революции, все в большем количестве начала порождать мерзких выродков, внутренне пустых и гнилых Смертяшкиных. Своим появлением на свет Смертяшкины выражали начавшийся гнилостный распад их класса, они, как крысы, чувствовали предстоящую катастрофу. В поисках опоры, стремясь использовать революцию для сохранения буржуазного мира, они путались среди революционеров, двурушничали, некоторые проникали даже в генеральный штаб революции. На все, что они видели и наблюдали в лагере новых хозяев жизни, они

смотрели враждебными глазами «соглядатаев», как называет Клима Самгина один из персонажей романа. Чужие и холодные, путаясь среди настоящих бойцов и работников, втайне презиравшие народ и дрожащие в страхе перед ним, они стремятся представлять от народа, говорить от его имени. Но у них нет никаких корней в народе, они отщепенцы, перекаати-поле.

Таков гениальный портрет отщепенца от народа Клина Самгина, нарисованный Горьким с великой силой ненависти и презрения. Гениальный художник, об изумительном знании которого своей страны с восхищением говорил Ленин, силою своей художественной интуиции понял, что русская буржуазия будет разлагаться в отвратительных, смрадных формах. Он знал, что продукты ее распада и гниения, в виде всевозможных Смертяшкиных, будут отравлять колодцы и в новой, с огромными жертвами завоеванной трудящимися стране человеческого счастья...

«Жизнь Клина Самгина» — гениальное изображение процесса полного морального разрушения буржуазной, паразитической личности. Клима всю жизнь заботится о самоутверждении, об «оригинальности», «широте», «безграничности» своей личности, — и не замечает,

что он приходит к полной внутренней опустошенности, что никакой «личности» он не представляет, что нечто, называемое «Клим Самгин», даже не существует в качестве самостоятельной индивидуальности, а представляет собою пустырь, по которому проносятся ветры исторических событий, поднимая только песок и грязь со дна «души» Клина Самгина...

Полное отсутствие принципов, убеждений, подлинных страстей,—ничего, кроме стремления уберечь от потрясений буржуазный строй, с которым Самгин связан корнями, найти способ «поумнее» использовать народ и революцию в этих целях, плюс забота о себе, о своей карьере. Так показывает Горький, что индивидуалистическое «утверждение» личности неизбежно приходит к своей противоположности — к уничтожению, разрушению личности. Сам внутренне опустошенный, Клим органически не способен верить в то, что могут быть какие-либо другие двигатели человеческих поступков, кроме заботы о «самоутверждении». С этим и связано его постоянное стремление «упростить» людей, в основе всех поступков, мыслей, речей обнаружить этот, как кажется ему, един-

ственный стимул, главный определитель человеческого поведения.

История, огромные движения человеческих масс, великие исторические события представляются Климу только «хитростью», сплетением интриг и расчетов разных «личностей», которые притворяются воодушевленными теми или иными идеями и принципами, а «по существу», с точки зрения Самгина, все эти идеи и принципы являются только «системами фраз». Такое «маккиавеллианское» представление об истории неизбежно у всех тех, кто оторван от трудового народа, у всех отщепенцев от него.

Клим Самгин глубоко презирает народ, как быдло. Он органически не способен понять истинных вождей народа, людей типа большевика Кутузова. Клим инстинктивно боится его, чувствуя какую-то особую его силу; он не понимает сущности этой силы, состоящей в кровной связи с народом, но он ощущает наличие в Кутузове огромной силы, отличающей Кутузова от всех «личностей», кувыркающихся на поверхности истории. Руководимый своей «упростительской» философией, Клим и Кутузова стремится «упростить». Но он смутно чувствует, что здесь что-то не так,— и его боязнь и зависть в от-

ношении к Кутузову теснейшими узами переплетаются с ненавистью. Он смутно ощущает, что Кутузов и Кутузовы — это непреодолимая преграда и опасность для «самоутверждения» Клима Самгина, а вместе с ним — для всего буржуазного мира.

Клим Самгин входит в ту галерею мировых образов, в которой находятся герои Бальзака. Ничего не осталось от размаха, от какого-то подобия идеалов у буржуазного героя на той стадии его развития, на которой зафиксировал его Горький в гениальном образе Клима Самгина. Явственно видны скотство, бесчеловечность буржуазного мира, отсутствие каких-либо «идеалов», полная внутренняя опустошенность. Немного нужно для того, чтобы сделать следующий шаг — к циничному обнажению звериной сущности.

Готовность Клима Самгина на любое преступление, на любую, самую низкую подлость великолепно изображена Горьким. В сущности, история жизни Клима есть история подлостей, совершенных им. В детстве он выдал тайну своего товарища. Затем он погубил его, тонувшего в проруби, — гениально написано Горьким это убийство, которое Клим изображает перед самим собой как бессознательное. В

молодости, арестованный за «принадлежность к революции», Самгин в разговоре с жандармским полковником, неглупым человеком, прекрасно понявшим по дневнику Клима, что Самгин ничего общего с революцией не имеет, почувствовал, что он нисколько не обижен предложением жандарма стать провокатором. Если Клим не принял предложения, то только потому, что, тоже будучи неглупым человеком, он прекрасно понимал нерасчетливость, несерьезность этого шага с точки зрения карьеры. Клим, как и многие образованные люди, видел обреченность русского царизма. Русская буржуазия, тесными узами связанная с царизмом, не могла внушать никакой уверенности в ее прочности. Оттого-то все эти Климы Самгины, различные формации Смертяшкиных, отпрыски буржуазии, ее выродки, и пошли путаться среди революционеров, ненавидя их и смотря на их героическую борьбу лживыми глазами соглядатаев из чужого, смертельно враждебного мира, изыскивая способы «возглавить», — точнее, **о б е з г л а в и т ь**, революцию...

Всем формациям «самгинщины», отщепенства Горький противопоставил в своем романе величие и мощь трудового народа. Первая часть романа закан-

чивается картиной нижегородской ярмарки, на которую попадает Самгин. Эта картина — настоящий гимн мощи трудового народа, создающего все богатства на земле.

«Игрушки и машины, колокола и экипажи, работы ювелиров и рояли, цветистый казанский сафьян, такой ласковый на ощупь. Горы сахара, огромные кучи пеньковых веревок и промасленных канатов, часовня, построенная из стеариновых свеч, изумительной красоты меха Сорокоумовского и железо с Урала. Кладки ароматного мыла, отлично дубленые кожи, изделия из щетины,— перед этими горами неисчислимых богатств собирались небольшие группы людей и, глядя на грандиозный труд своей родины, несколько смущали Самгина, охлаждая молчанием своим его повышенное настроение».

Нельзя представить себе что-нибудь более противное, чем это «повышенное настроение» Клима. «Патриотизм», проснувшийся в нем при виде «неисчислимых богатств», собранных на ярмарке, ничего общего не имеет с народностью. Холодный человек, Клим Самгин «расчувствовался» и даже с трепетом ждет появления царя, который, как кажется ему, является «хозяином» всех этих богатств. Клим не видит, что на

ярмарке представляют народ подставные лица, что тех, кто создал все эти богатства своим грандиозным трудом, даже нет на выставке,— как говорит один «стройный красавец в желтой шелковой рубаше» из группы, отобранной для встречи царя:

«— Рабочих, мастеровщину показывать не будут. Эта выставка не для их брата. Ежели мастеровой не за работой, так он — пьяный, а царю пьяных показывать не к чему».

От имени тех, кто создает все великолепие жизни, «представляют» крикливые, чужие люди,— один из них в замечательной карикатуре нарисован Горьким. Это «импрессарио», представитель, «объясняющий господин» при гениальной сказительнице Орине Родионовне, настоящем «чуде». Ее образ символизирует всю силу и красоту тех людей, образцы труда которых собраны на выставке. Она — какая-то «добрая ведьма», чудесница, силой волшебства воспроизводящая, как живые, образы былин, народных сказок и преданий. В каждом звуке ее голоса — могучая талантливость воспитавшего ее народа. Ее представляет публике «объясняющий господин»:

«Гулким голосом он начал говорить,

как говорят люди, показывающие дрессированных обезьян и тюленей.

— Я,— говорил он,— я-я-я,— все чаще повторял он, делая руками движения пловца.— Я написал предисловие, книга продается у входа. Она (сказительница; В. Е.) неграмотная. Знает на память около тридцати тысяч стихов... Я... Больше чем в Илиаде. Профессор Жданов... Когда я... Профессор Барсов...»

Суетня «объясняющего господина» около мощного таланта, созданного народом, смешна и непристойна. Но в ней предстает сущность отношений между народом и его «представителями», «объясняющими господами» типа Клима Самгина. Столь же смешны и непристойны мечтания самого Самгина, разворачивающиеся в честолубивой голове его, когда он слушает сказительницу. Клим не может не чувствовать силу ее таланта. Она начинает представляться ему живым воплощением самой истории, рассказывающей о людях, живших на русской земле.

«И, может быть,— мечтает размягченный Клим,— вот так же певуче лаская людей, одинаково обаятельным голосом — говорит ли она о правде или выдумке,— скажет» история когда-то и о том, как жил на земле человек Клим Самгин».

Творческая мощь народа, увиденная Климом Самгиным, вдохновила его только на приятные мысли о самом себе. О нем будет рассказывать история!.. История и в самом деле рассказала о нем гневным голосом народного писателя Горького. Она рассказала о том, как жили на земле и паскудили ее Самгины, как «ползали по земле моей отчизны» выродки, отщепенцы и соглядатаи, желавшие жить за счет силы народной...

В образе Клим Самгина Горький показал разрушение личности (этими словами называется одна из дореволюционных статей Горького, в которой он доказывает неизбежность разрушения личности у отщепенцев от народа). Эту мысль доказывает Горький и «Климом Самгиным», с гениальной тонкостью анализа проникая в самые сокровенные тайники «души» Клим Самгина, показывая, как, в сущности, созрел он для того, чтобы окончательно отбросить все человеческое. Представитель паразитической интеллигенции, он разрушается и теряет человеческий облик так же, как и «хозяева» его, Василии Семеновы крупных и мелких масштабов.

Противопоставляя «самгинщине» мощь трудового народа, Горький показал в

«Климе Самгине», что народ и прежде всего рабочий класс создал своих истинных вождей и что народу не нужны никакие «объясняющие господа».

Путаясь среди революционеров, Смертяшкины внутренне больше всего боялись победы социализма. Они не могли не чувствовать, что социализм враждебен им по самой своей сути.

И вот социализм стал реальностью в наши дни. История договорилась за Горького, она показала следующий шаг на пути развития агентов буржуазного мира, двурушнически пробравшихся на время во враждебный им лагерь революции. Народ разгадал их контрреволюционную сущность, он не позволил им срывать строительство социализма, не позволил «объясняющим господам» «объяснять» невозможность построения социализма. Вопреки им, народ во главе с рабочим классом и его партией построил социалистическое общество. И совершенно естественно, что когда нужно было выбирать между социализмом и фашизмом — Смертяшкины оказались в лагере фашизма...

Такие разновидности Смертяшкиных, как троцкистско-зиновьевские бандиты, далеко превзошли Клима Самгина. Такого предательства, вероломства, смра-

да, такой полной утраты всякого человеческого подобия, такой легкости падения на самое последнее «дно» кровавой уголовщины, диверсий, шпионажа и вредительства, какие были продемонстрированы фашистскими троцкистско-зиновьевскими убийцами, еще не знала история. Различие между ними и Климом Самгиным определяется тем, что троцкистско-зиновьевские бандиты являются агентами фашистской буржуазии. Но корни у этих вырожденков и отщепенцев,— общие с самгинскими. Троцкий, Зиновьев и прочие являлись такими же отпрысками буржуазии (часто сыновьями купцов и фабрикантов), стремившимися повернуть революцию по-своему, на буржуазный путь.

Недаром Ленин определял Троцкого очень четкими словами: «Подлейший карьерист и фракционер». Недаром еще в 1911 году он дал ему убийственное прозвище: «Иудушка-Троцкий». Зиновьев и Каменев являлись столь же подлой агентурой врага в рабочем движении. Предательство Каменева в 1915 году, когда он отрекся от партии в страхе перед царской полицией, или его верноподданническая телеграмма Михаилу Романову,— многочисленные факты такого рода являются доказательством

того, что до своего прихода к фашизму Каменевы и им подобные были омерзительнейшей разновидностью Клим Самгина, уже тогда совершенно готовыми на любую подлость, трусость, провокацию, предательство и обман. Как Клим Самгин обманул революционеров, защищая от них своего самого близкого друга, провокаторшу Никонову, так и Каменевы и Зиновьевы всю жизнь свою обманывали партию, сделав двурушничество своей специальностью.

Свои фашистские тенденции Зиновьев и Каменев проявили уже в 1917 году, пытаясь сорвать вооруженное восстание пролетариата, провокаторски выдав военную тайну партии (срок восстания). Затем они вступают в блок с буржуазными партиями эсеров и меньшевиков, все еще надеясь на возможность не-социалистического хода революции. Вся дальнейшая их деятельность была направлена на доказательство невозможности победы социализма, на срыв социалистического строительства.

Победа социализма окончательно толкнула этих людей в лагерь фашизма, где они, в качестве прожженных агентов буржуазии, умудрившихся даже пробраться в лагерь революции, совершенно закономерно сразу выдвинулись как передовой отряд мировой

контрреволюции, как энергичнейшие, готовые на все агенты капиталистической реставрации, шпионы, вредители и диверсанты...

Буржуазной, паразитической интеллигенции Горький противопоставлял революционную интеллигенцию, связанную с народом, и ту новую интеллигенцию, которая растет в среде передовых пролетариев и рабочей молодежи.

«Именно из таких ребят должна вырасти истинно пролетарская интеллигенция, которая сменит нас, когда мы отыдем туда, где, вероятно, нет уже классовых противоречий» — говорит один из персонажей романа «Мать». Мечта о росте новой интеллигенции, которая всем существом своим будет связана с народом, мечта о праве на образование для всего народа проходит через все горьковское творчество...

Народ «представляют» чужие люди, «объясняющие господа». Родная земля отнята у подлинных ее хозяев, — это прекрасно выражает старуха Ниловна, героиня романа «Мать», духовный рост которой, объясняющийся ее приобщением к революционному движению, любовно проследил Горький в деталях.

«Жизнь расширялась бесконечно, каждый день открывая глазам огромное, неведомое, чудесное, и все сильнее возбуждала проснувшуюся голодную душу женщины обилием своих богатств, неисчислимостью красот. Она особенно любила рассматривать фолианты зоологического атласа. Хотя он был напечатан на иностранном языке, но давал ей наиболее яркое представление о красоте, богатстве и обширности земли.

— Велика земля,—говорила она Николаю.

Более всего умиляли ее насекомые и особенно бабочки, она с изумлением рассматривала рисунки, изображавшие их, и рассуждала:

— Красота какая, Николай Иваныч,— а? И сколько везде красоты этой милой,— а все от нас закрыто и все мимо летит, невидимое нами (разрядка моя; В. Е.). Люди мечутся, ничего не знают, ничем не могут любоваться, ни времени у них на это, ни охоты. Сколько могли бы взять радости, если бы знали, как земля богата, как много в ней удивительного живет. И все — для всех, каждый — для всего,— так ли?»

В простых словах Ниловны замечательно выражена отчужденность природы от человека в капи-

талистическом обществе. Люди не свои на земле, и земля не их, она чужая. Поэтому летит мимо людей вся радость земли, вся красота природы.

Если отнято право на свой труд у человека, разрушена радость труда, то отнято и право на природу, радость наслаждения ее красотой, потому что трудовой процесс включает в себя общение человека с природой. Мечта о возвращении человеку природы, красоты земли, мечта о том, чтобы земля стала своей и люди стали своими на земле, чтобы было «все для всех, каждый для всего»,— тесно связана с мечтой о родине. Любовь к родине неотрывна от любви к земле, к природе, которая должна служить для счастья и радости человека. Земля заброшена, у нее нет хозяина, «любящего землю, как женщину», ее испаскудили, осквернили жадные, хищные, грубые людишки. Образ земли тесно переплетен у Горького с образом женщины, «матери жизни»,— и, разумеется, вовсе не случайно сплетаются они в обобщающем образе Ниловны, рабочей матери. Вспомним переплетенность образов земли и женственности в рассказе «Женщина»; как героиня этого рассказа жадно тоскует по отнятому у нее материн-

ству, как она ждет мужа, друга, настоящего хозяина, работника,— так и земля ждет настоящего хозяина, тоскует и мечтает о нем. Этот поэтический комплекс очень важен у Горького.

Мечта о приходе подлинного хозяина выражена в ряде горьковских произведений,— мы напомним здесь только одно ее выражение:

«Говорила она о сотнях маленьких городов, таких же, как Окуров, так же плененных холодной, до отчаяния доводящей скукой и угрюмым страхом перед всем, что ново для них.

Набитые полуслепыми людьми, которые равнодушно верят всему, что не тревожит, не мешает им жить в привычном, грязном зазорном покое,— распластались, развалились эти чужие друг другу города по великой земле, точно груды кирпича, бревен и досок, заготовленных кем-то, кто хотел возвести сказочно огромное здание, но тот, кто заготовил все это богатство,— пропал, исчез, и весь дорогой материал тоже пропадает без строителя и хозяина, медленно сгнивая под зимними снегами и дождями осени». («Жизнь Матвея Кожемякина».)

Н а с т о я щ и й, а не временный хозяин пришел и навечно взял под свою хозяйскую руку всю эту прекрас-

ную землю. Свою победу он зафиксировал, записал на исторических скрижалях могучей сталинской рукой, на весь мир провозгласив:

«Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинно-тракторные станции и т. д.), а также основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием (разрядка моя; В. Е.).

Люди стали своими на земле, и земля стала своей для них. Короткая статья (6-я) проекта Конституции выражает бесконечно много. Мечта о родине, жившая в сознании миллионов, осуществилась, стала реальностью. Вся прелесть земли уже не летит мимо людей, невидимая ими,— она стала достоянием миллионов людей— всенародным достоянием! Природа стала человеческой, «все стало для всех и каждый для всего», как мечтала Нилова. Уже это определяет переворот во всех человеческих представлениях и чувствах, означает приход и утверждение новой человечности.

Горький показывал всем своим творчеством, как, вопреки присущему капитализму стремлению к разложению человеческой личности,— в передовой части трудящихся, в рабочем классе созревают элементы той новой человечности, которая окончательно утвердится лишь при победе социализма. Целиком этой теме посвящены такие произведения, как роман «Мать» и пьеса «Враги». Новый, прекрасный строй человеческих отношений созревает в рабочем классе, ведущем за собой всех трудящихся, всю демократию,— именно рабочий класс осуществит идеал Человека с большой буквы. Даже некоторые одиночки из паразитических классов сознают это,— Яков Бардин из пьесы «Враги» говорит своей жене об одном из рабочих, с которыми жестоко воюет его брат-фабрикант:

«Хорош Ефимыч... Какие у него все понимающие, грустно-ласковые глаза. Он как бы говорит: Ну, зачем все это? Ушли бы вы в сторону... Дали бы нам свободу... Ушли бы...»

Красота морального облика того нового человеческого типа, который созревает в пролетариате, настолько сильна, является уже настолько зрелой и осознавшей самое себя, что даже некоторые из тех, кто так или иначе свя-

зан с «хозяевами», не могут не чувствовать эту красоту и силу. Восемнадцатилетняя Надя, племянница фабриканта Бардина, говорит Татьяне, жене Якова Бардина, об одном из участников революционного движения на фабрике, старике-рабочем:

«А старик все улыбается... И так, точно ему жалко нас, точно мы больные».

Горький во «Врагах» показал, насколько уже крепка новая мораль, новая этика, каким чувством человеческого достоинства обладают молодые пролетарии и старики рабочие, какую зрелостью отличается их ненависть к старому миру. Мы ясно чувствуем, что созревает новый мир, который завтра будет победителем. Горький столкнул между собой два мира в остром конфликте и показал ничтожество старого мира и красоту и величие нового, с его высокой человечностью.

Горький как бы наметил во «Врагах» прообраз завтрашнего мира. Гораздо более развернуто он сделал это в романе «Мать». К «Матери» тянутся нити буквально от всех горьковских произведений, все главные мотивы горьковского творчества звучат в этом романе.

Достаточно вспомнить весь цикл женских образов, чтобы убедиться в том,

насколько тесно связан образ Матери, Ниловны, со всеми основными темами горьковского творчества.

«Все любят близкое, но в большом сердце и далекое близко. Вы многое можете. Велико у вас материнское...» — говорит Ниловне Андрей, друг ее сына.

Воровский в своем этюде «Две матери» сопоставил образы рабочей матери, Ниловны, и Вассы Железновой, тоже матери, но из другого, старого мира. Воровский совершенно правильно указал, что «материнская любовь Ниловны толкает ее на путь самопожертвования, работы на благо всех страждущих, на благо всего человечества, в конце концов. Материнская же любовь Вассы замыкает ее в тесный круг эгоистической, звериной привязанности к своей «никудышной» семье и толкает ее на преступление и грех. Первая своими руками разрушает тихий уют узенького семейного очага и тем самым способствует созданию большого, необъятного человеческого счастья».

Мир новых человеческих отношений по самой своей природе таков, что он беспредельно расширяет каждое человеческое чувство. Если материнство Вассы Железновой мало чем отличается от звериной привязанности к своим детенышам, то материнство

Ниловны, не только не разрушая, а, наоборот, укрепляя ее семью, наполняется огромным всечеловеческим содержанием. Героиня рассказа «Женщина», обреченная на бродяжничество, избитая и униженная, которая мечтает о радости и счастье не только для себя и своих детей, а о радости и счастья всех трудящихся,— она неосознанно входит в тот новый мир человеческих отношений, за который уже сознательно борется Ниловна. Ниловна представляет собою авангард миллионов трудовых женщин, огромная сила которых расходуется зря, пропадает в окуровской тьме.

Андрей Находка, друг Павла, сына Ниловны, прекрасно чувствует огромную силу материнского в ней, он на самом себе ощутил эту ласковую силу.

«— Вот бы, ненько, Весовщикова приласкать вам однажды» — просит он ее.— «Он добрый, Николай,— собак любит, мышей и всякую тварь, а людей — не любит. Вот до чего можно испортить человека!

— Мать у него без вести пропала, отец — вор и льяница,— задумчиво сказала женщина».

В образе могучей и ласковой силы материнства, проникающей весь

роман,— силы, которая умеет быть непримиримо грозной по отношению к врагам,— Горький дает прообраз той подлинной человечности, которая завоюет весь мир.

Материнство будет выведено из жалких, тесных клетушек, оно станет силой, служащей всему человечеству. «Прославим женщину-мать!» Этими словами начинается одна из восточных сказок Горького. Женщина-мать прославлена социализмом, и только им, потому что без социализма нет и настоящего материнства. Старый мир сводит материнское к мелкому и звериному, новый мир, расширяя каждое, самое маленькое человеческое чувство до пределов всечеловеческого, освобождает материнство и делает его огромным, всечеловеческим началом жизни. Социализм — это материнская забота о человеке, она будет определять весь характер отношений между людьми. Такова основная идея романа «Мать».

Мы видим, как осуществляется в наши дни эта мечта. С именем Сталина связана в сознании десятков миллионов людей материнская забота социалистической родины о человеке. Могучая, ласковая и грозная сила

социалистической родины, «матери жизни» совершает чудеса с людьми,— это о ней говорил Герой Советского Союза товарищ Байдуков:

«Мы живем в эпоху колоссальной любви людей друг к другу. Великая любовь товарища Сталина к народу передается всем».

Это о ней говорил Герой Советского Союза товарищ Чкалов:

«Мне хочется сказать: великий Сталин, мы все, здесь присутствующие, будем помогать вам выполнять все, что вы хотите, все, что вы желаете для блага человечества»,— и народный форум отвечает на эти слова овацией. С именем Сталина — говорил Чкалов — связывается желание сделать что-нибудь красивое, большое, смелое для счастья людей.

«— Я знаю,— будет время, когда люди станут любоваться друг другом, когда каждый будет как звезда пред другими... Тогда не жизнь будет, а — служение человеку, образ его вознесется высоко... Велики будут люди этой жизни...» — мечтает Андрей Находка, грустный и ласковый, мужественный и непримиримый борец за человеческое счастье, чудесный образ талантливости, какой-то внутренней

ласковой музыкальности братского украинского народа.

Время, о котором мечтал Андрей, пришло. Это — сталинское время...

В романе «Мать» дано с наибольшей определенностью выражение горьковской мечты, проникающей все его произведения. Поэтому «Мать» — романтична. Прекрасна та романтика, которая сбывается! Если в связи с образом Ниловны мы должны были вспомнить все женские образы горьковского творчества, то в связи с образами Павла, Андрея и других большевиков мы не можем не вспомнить о всей галлерее горьковских персонажей, с их тоской о том, что так «дешев человек», с их несформленной, часто смутной мечтой о жизни, которая будет «служением человеку». В отличие от героев «Матери», бесчисленные Чмыревы, Луневы, Грачевы, Смурые не умеют с такой ясностью выразить свои мысли о человеке и человечности, — да и самые эти мысли переплетены у них с различными предрассудками, затемнены неграмотностью, придавлены тяжестью насмешек и издевательств всевозможных Братягиных и Василиев Семеновых. В очищенном от посторонних примесей виде чувства и мысли миллионов Чмыревых и Грачевых выражают люди типа

Павла, Андрея, другие герои Горького — большевики. Так показывает Горький, что лучшие стремления всей огромной трудовой России стягиваются к партии большевиков. Особенно ярко показывает это речь Павла на суде. Читая ее, мы не можем не вспоминать о всех произведениях, о всех образах Горького.

«Мы говорим: общество, которое рассматривает человека только как орудие своего обогащения — противочеловечно, оно враждебно нам, мы не можем примириться с его моралью, двуличной и лживой; цинизм и жестокость его отношения к личности противны нам, мы хотим и будем бороться против всех форм физического и морального порабощения человека таким обществом, против всех приемов дробления человека в угоду корыстолюбию. Мы, рабочие люди, трудом которых создается все — от гигантских машин до детских игрушек... Победим мы, рабочие. Ваши доверители совсем не так сильны, как им кажется. Та же собственность, накапливая и сохраняя которую они жертвуют миллионами порабощенных ими людей, та же сила, которая дает им власть над нами, возбуждает среди них враждебные трения, разрушает их физически и морально...

Вы оторвали человека от жизни и разрушили его; социализм соединяет разрушенный вами мир во единое великое целое, и это — будет».

Мы видим, что речь Павла, как в фокусе, сосредоточивает основные проблемы горьковского творчества. Сколько образов «физического и морального разрушения» «хозяев» создал Горький! Сколько человеческих образов людей труда противопоставил он бесчеловечным, звериным образам паразитов и всех, так или иначе связанных с паразитами, морально разрушенных людей! Сколько творческих сил отдал Горький изображению дробления, изуродования человека капитализмом! Как ярко встает из его произведений картина разрушенного капитализмом мира, оторванной от человека природы, родины, всей красоты земли! Все творчество Горького проходит перед нами, когда мы читаем эту речь большевика на царско-буржуазном суде, перекликающуюся с знаменитой речью Петра Алексеява. Основные идеи своего творчества, все самые интимные мысли свои и бесчисленных своих героев Горький вложил в уста большевика. К партии большевиков, как к центру, стягиваются все мотивы горьковского творчест-

ва, все помыслы и мечтания Чмыревых, Грачевых, Луневых, Смурых — всего трудового народа. Мы еще яснее, еще ярче видим, что большевизм есть альфа и омега, подлинная основа всего богатейшего, многостороннего, многокрасочного творчества великого социалистического писателя.

Это большевики сказали: «будет!», и, пройдя героический путь борьбы, страданий, лишений и жертв, они говорят теперь на весь мир устами лучшего большевика, вождя народов Сталина: «Есть!» «Есть!» — звучит в сталинской Конституции; есть! — и будет еще прекрасней, еще счастливее; есть! — и никто, никакие, самые хищные звери фашизма, никакие Гимлеры и Троцкие не растопчут, не разрушат того, что завоевано, не повернут вспять историю.

Скоро соберется исторический VIII Съезд Советов. Народ будет утверждать свою социалистическую Конституцию. Он не может не вспомнить, обсуждая проект Конституции пункт за пунктом, великие образы Горького, потому что каждая статья проекта вызывает их в памяти. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что мечта Горького была мечтой всего народа.

Когда мы читаем в проекте Конституции, в статье о праве объединения граждан в общественные организации, что «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя» (статья 126), — мы не можем не вспоминать всей борьбы рабочего класса в России, отраженной в образах большевиков в горьковских произведениях. Горький показал, что партия большевиков всегда являлась передовым отрядом трудящихся, что к ней стягивались мысли и чувства всей народной массы. Самое творчество Горького являлось выражением процесса объединения вокруг партии большевиков широких масс трудящихся. Горький показал, как тесно связаны Андрей, Павел, Кутузов из «Жизни Клима Самгина» и другие большевики — с миллионами Чмыревых, со всей огромной демократией, авангардом которой они являются.

Сталинская Конституция говорит о том, что социализм соединил разрушенный «хозяевами» мир воедино. Он вернул человеку истинное содержание

и значение труда, возвратил человеку природу, землю, он дал трудящимся родину. Сталинская Конституция представляет кодекс новой человеческой морали, основой которой является «служение человеку».

«Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры» — учит товарищ Сталин.

«Кадры решают все» — этот лозунг сталинского гуманизма окрашивает собою весь проект Конституции, звучит в каждой его статье.

Человек имеет право на труд. «Граждане СССР имеют право на труд — право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством.

Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, отсутствием хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы» (статья 118).

Право на труд возможно только в социалистическом обществе, об этом говорит процитированная статья. Капитализм не может предоставить это право, потому что не может обеспечить

его. Анархическая бесплановость капиталистического хозяйства, кризисы, неизбежная безработица — все это исключает самую возможность для трудящихся в капиталистическом мире иметь право на труд. Поэтому право на труд — это не только право на получение гарантированной работы, это — завоевание радости и красоты труда, это утверждение той «ярости труда», того выявления всех лучших человеческих сил в труде, которое так изумительно рисовал Горький. Труд выявляет свою высокую человеческую природу. Величественное проявление человечности — труд получил равную ему по величине цель, он является «служением человеку», человеческому счастью. Поэтому не может уже быть той двойственности в отношении к труду, которая изображена Горьким, не может быть той оскорбительной опустошенности после героического трудового подъема, которую мы видим и в «Моих университетах», и в «Фоме Гордееве», и в ряде других горьковских произведений. Эта двойственность являлась одним из проявлений «дробления» и уродования человека, о которых говорил в своей речи на суде Павел. Социализм «соединяет разрушенный мир воедино» — он

делает целостным и отношение человека к труду, делает цельной самую радость труда.

Великая сила, «могущая в одну ночь покрыть всю землю дворцами и городами», как говорят об этом «вещие сказки»,—эта великая сила, направляемая Сталиным, как мудрецом из вещей сказки,—в течение десятилетия покрыла землю сказочными дворцами и солнечными городами, и звучит в этих городах и дворцах звонкий детский смех, прекраснее и веселее которого нет ничего в мире, и Мать человечества, великая родина социализма, Мать всего живого улыбается в ответ на звуки детского смеха. Детские ручонки тянутся не к грязному мешку с вещами, собранными по помойным ямам,—детские праздники происходят у моря, у солнца, под ласковым ветром родины... Отцы и матери, показывая образцы работы, показывая всему миру, что такое великая сталинская, стахановская «ярость труда», знают, что чем лучше они работают, тем звонче будут звучать детский смех и радость в их стране.

Право на труд! «Это будет» — сказали большевики много лет назад в темной несчастной стране, в которой труд был затоптан откормленными иоркширами, испачкан их грязью.

«Это есть!» — говорит сейчас на весь мир сталинская Конституция. Это есть, и это стало делом чести, делом славы, делом доблести и героизма...

Право на труд, право на отдых, право на образование, обеспеченные реальностью победившего социализма,— это все, что нужно для расцвета человеческой личности.

Право на образование! Оно означает начавшую проявляться в нашей жизни коммунистическую тенденцию к уничтожению противоположности физического и умственного труда. С особенной наглядностью выявилась эта тенденция в стахановском движении. Работник физического труда выступает в нем как организатор производственного процесса, изобретатель и рационализатор. Самое стахановское движение есть результат того факта, что все большие массы трудящихся овладевают техникой. Целая сложная сеть технического и общего образования, созданная государством, быстрый рост громадных кадров новой интеллигенции, о которой мечтает один из героев «Матери»,— все это говорит о том, что весь народ становится все более интеллигентным. Читая в газетах сообщения о том, что слесаря и токаря на наших заводах делают

доклады о Пушкине, можем ли мы не вспоминать об избитых и замученных людях из мастерской, которым молодой, вихрастый, упрямый парень Алексей Пешков, «Максимиыч», читал стихи Пушкина! Неграмотные люди, они слушали стихи в смрадном, грязном общезжитии, изъеденные вшами, избитые хозяином, и самая музыка стиха еще резче подчеркивала кошмарное убожество их жизни.

Право на образование! Оно означает конец касте интеллигенции, оторванной от народа, конец «дачникам», «сереньким трусам и лгунам»... Оно означает право на Пушкина, столетие со дня смерти которого отмечает весь народ, право на Шекспира, который является одним из любимейших писателей в нашей стране, право на Толстого, право на Гете, на все лучшие ценности, созданные человечеством. Оно означает право на культуру. Разве все творчество Горького не является мечтой об этих правах?

Статья 122 проекта Конституции посвящена женщине.

«Женщине в СССР предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни.

Возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских ясель и садов».

«Прославим женщину-мать!», женщину — мать жизни, украшающую мир материнской и любовной лаской.

Сталинская Конституция прославляет женщину. Проект Конституции выражает то, что характеризует сталинскую жизнь, сталинское время. Недавно прошел съезд жен инженерно-технических работников, предстоит съезд жен командиров. На этих съездах женщины нашей страны рассказывали и будут рассказывать о том, как они украшают жизнь на заводах, в селах, жизнь армии, охраняющей право на труд, на образование, на отдых... Как можем мы, читая 122-ю статью проекта Конституции, не вспомнить о мечте героини рассказа «Женщина» — мечте о саде, о беседке, «а в саду дети играют, и беседка в саду-то выстроена», о новых местах, которые

нужно сделать местами счастливой жизни людей... Сколько садов, парков, беседок возникло в стране социализма, сколько женских рук участвовало в этой радостной работе!

Женщина в колхозе — огромная сила, — сказал товарищ Сталин. Во всей стране женщина стала огромной силой, нет на земном шаре другой страны, в которой так свято ценится материнство, в которой оно окружено таким благоговейным уважением. Нет страны, которая так любила бы детский смех, нет страны, в которой был бы такой мудрый друг у женщин и детей, как великий Сталин, отец народа.

Старый звериный мир с ненавистью смотрит на страну человеческого счастья, он посылает сюда убийц, он берет к себе на службу подонки и отребье внутри страны вроде троцкистско-зиновьевских бандитов. Агенты волчьего мира делают свою работу для того, чтобы капитализм мог тяжелыми своими коваными сапогами топтать чрево Матери всех трудящихся, нашей социалистической родины.

Но не было еще в истории человечества такой силы любви к родине, которой охвачены сейчас миллионы трудящихся.

Конституция говорит о праве на

родину, завоеванном трудящимися. «Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян» (статья 1 проекта Конституции).

У рабочего класса есть свое отечество. Оно является отечеством и для миллионов крестьянства. Трагедия Ильи Лунева уже невозможна,— города социалистической страны являются достоянием и рабочих и крестьян, так же как села и деревни, как вся советская земля. Впервые у всех трудящихся есть родина. Кто сейчас посмеялся бы над печником Чмыревым, стремившимся сделать свою улицу, свой город красивее, чище, лучше? Этой заботой живет вся страна. Проснулась гордость за свою улицу, свое село, свой город, за свою страну.

«Болезнью разрушения», о которой писал Горький в «Матвее Кожемякине», болеет сейчас только одичавшая контрреволюционная нечисть, фашистские убийцы и палачи. Это они мечтают о том, чтобы растоптать сирень, яблони, акации, дворцы, сады, парки, беседки, школы, фабрики, колхозы, музеи, театры социалистической страны. Это они — чужие и враждебные всему живому. Молодежь и дети, взрослые и старики в сталинской стра-

не охраняют красоту своей человеческой земли. Проект Конституции фиксирует этот переворот, происшедший в сознании миллионов людей:

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» (статья 131).

Могущество родины! В этих словах выражен тот факт, что мечта о родине, о праве на любовь к своему отечеству нашла могучее воплощение.

Человек с большой буквы, «огромный человек», шагающий по земле, завоевал свою родину. Он сам строит жизнь в соответствии со своей активной волей, на основах разума и свободы. Он не подвластен никаким стихийным «нечеловеческим» силам. Он прогнал от себя «страсти-мордасти», таинственные «доли» и «судьбинки». Совершился переход из царства необходимости в царство свободы. Ничто не давит человека, как давили таинственные стихийные силы миллионы Луневых. Об этом

говорит 11-я статья проекта Конституции:

«Хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственным народно-хозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности».

Из жизни изгнано все чуждое человеку. Разум, страстным певцом которого был Горький, становится полновластным хозяином жизни. Социалистический план, воплощающий разум страны, управляет всем огромным строительством, идущим во всех концах необъятной нашей родины... Человек чувствует себя своим на земле, и поэтому никогда не было так поднято человеческое достоинство, как в проекте сталинской Конституции. Каждый гражданин страны является ее хозяином, личность его неприкосновенна.

«Гражданам СССР обеспечивается неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе как по постановлению суда или с санкции прокурора» (статья 127).

«Неприкосновенность жилища граждан и тайна переписки охраняются законом» (статья 128).

«Равноправие граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни является непреложным законом.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан, в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой и национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — караются законом» (статья 123).

В этих статьях выражено огромное уважение страны ко всем своим гражданам. Последняя статья замечательна тем, что в ней нашло такое яркое и простое выражение отношение социализма к проповеди расовой и национальной исключительности: эта проповедь преступна, бесчеловечна. Народы Советского Союза объявляют в своей Конституции, что фашизм — преступен, что всякие проявления фашизма в виде прямого или косвенного ограничения прав той или иной национальности, а также проповедь преступных шовинистических взглядов караются законом.

Огромное уважение к гражданам советской страны выражено во всем про-

екте Конституции. Иначе и не может быть, потому что граждане Советского Союза являются полновластными хозяевами страны, всего ее достояния. Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, о котором столько декламировала буржуазия, впервые становится не декларацией, не обманом, не насмешкой над народом, а подлинной реальностью, способом управления страной. Независимость судей, отчетность депутатов перед избирателями, принципы государственного устройства, выборы и порядок деятельности верховных государственных органов,— все это говорит о том, что прежняя Россия — ныне великая страна социализма — стала страной самой яркой демократии земли. Только страна социализма может осуществить демократию, подлинную власть народа. Только здесь возможно такое государственное устройство, все принципы которого основаны на служении человеку. Проект Конституции исходит из признания человека самой великой ценностью, для которой существуют все остальные...

Весь проект Конституции представляет собою мощный гимн Человеку, его разуму, его воле, его счастью. Проект Конституции является одновременно и

кодексом новой нравственности. За ним стоит образ огромного человека, в котором воплощены все лучшие человеческие представления: о свободном труде, о разуме, о воле, о гордости, о красоте мира, о счастье детей, о радостном материнстве, о смелости и героизме в защите человеческого счастья,— «защита отечества есть священный долг каждого гражданина СССР» (статья 133),— о мужестве, о честности, о правдивости. Все лучшее, что только есть у людей, сконцентрировано в сталинской Конституции. Образ того огромного человека, который проникает и окрашивает собою каждую статью проекта Конституции, Человека с большой буквы,— это величественный образ создателя Конституции — нашего Сталина.

Мечта народа о мудром и сильном человеке, выраженная народным писателем Горьким, воплотилась в Сталине, В нем соединены все лучшие качества неисчерпаемой любви к людям. Эти лучшие качества раскрыты в проекте сталинской Конституции.

Имя Сталина — знамя человечества и человечности...

Это имя — порука тому, что не вернутся на землю, завоеванную социализмом, растленные «хозяева», не растопчут, не разгромят сады и дворцы на-

шей страны Смертяшкины мирового фашизма, что дети будут счастливы и матери будут ласкать их, что «если враг не сдастся» — он будет уничтожен, что родина наша раздавит всех врагов и станет еще могущественнее, что жизнь, состоящая в служении человеку, с каждым днем будет все радостнее и счастливей.

ЧИТАТЕЛЬ!

Издательство просит сообщить отзыв об этой книге, указав ваш точный адрес, профессию и возраст. Просьба к библиотечным работникам организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов о ней. Все отзывы и материалы направлять по адресу: Москва, 9, Большой Гнездиковский пер., д. 10, издательство «Советский писатель»

Отв. редактор М. Гус
Тех. редактор Н. Греймер
Корректор Е. Балабан
Уполн. Главлита № Б—32122

Тираж 10 000 экз.
С. П. № 126
Сдана в производ. 29 сентября 1936 г.
Подписана к печати 9 октября 1936 г.

Количество листов $6\frac{1}{8}$]
Авторских листов 5,9
Учетно-авт. листов 5,29
Бумага 72×90 см. $\frac{1}{32}$
Заказ № 175

11-я тип. Мособлполиграф.
2-я Рыбинская, д. 3.

ЦЕНА 1 р. 75 к.
ПЕРЕП. 1 р.